

ТИМУР

(Опыт краткой характеристики)

Проф. А. Якубовский

ИСТОЧНИКИ О ТИМУРЕ

Жизнь и деятельность Тимура хорошо освещены источниками письменными и вещественными. Письменные источники по преимуществу носят повествовательный характер и представляют, с одной стороны, сочинения о деятельности Тимура, составленные при его жизни или вскоре после его смерти, с другой — сочинения мемуарного характера, написанные людьми, лично его видевшими. Немалое значение среди источников имеют эпиграфические памятники — надписи на постройках и произведениях искусства, так или иначе связанные с именем Тимура. Большая часть повествовательных источников о Тимуре носит характер официозный, апологетический и отличается присущими подобной литературе чертами: пристрастием и склонностью излагать события в пользу лица, которому посвящено сочинение.

Внимательное изучение официозной историографии о Тимуре показывает, что он во время своих походов держал при себе «дабиран-и хас» (личные секретари) и «фадила-и аср» (образованные люди эпохи)¹ как из числа уйгурских, так и из числа персидских учёных², которым поручал описание того или иного из своих походов. Так, один из учёных, Омар, с пышным титулом «Насир ал-хакк ва шарият ва дин», сопровождавший Тимура в его походе в Индию, написал, по его поручению, «Дневник индийского похода»³. Книга эта до нас не дошла. Иногда описание похода поручалось нескольким лицам. Надо думать, что в конце царствования Тимура было немало сочинений, вышедших из-под пера дабиров и образованных людей. Одним из них является в известной мере переросшее рамки простого дневника сочинение «Дневник индийского похода», составленное Гияс ад-дином Али⁴. К сожалению, в «Дневнике» не сохранилось указаний на то, сопровождал ли Гияс ад-дин Али Тимура в его походе в Индию или он только обработал чужие записи. В сочинении имеется лишь рассказ об обстоятельствах написания труда. К автору, жившему в Иезде, явился один из приближённых Тимура и предложил ему составить на простом и понятном языке подробный дневник индийского похода, предпослав ему краткое изложение предшествующих войн Тимура⁵.

Сочинение Гияс ад-дина Али было написано, как выяснил В. В. Бартольд, до 12 марта 1403 г., так как в нём упоминается о внуке Тимура Мухаммед султанине как о живом ещё лице и говорится о возможности завоевания Тимуром в ближайшее время Египта и Сирии⁶.

¹ Гияс ад-дин Али «Дневник похода Тимура в Индию», стр. 42. Перс. текст.

² Шерефад-дин Али Иезди «Зафар-Намэ», I, стр. 24 сл. изд. Calcutta.

³ Гияс ад-дин Али. Указ. соч., стр. 49—50.

⁴ Единственная рукопись этого сочинения хранится в рукописном отделе Государственной публичной библиотеки УзбССР, по каталогу Каля № 146. В 1915 г. «Дневник индийского похода» был издан Л. А. Зиминым под ред. В. В. Бартольда в серии «Тексты по истории Средней Азии». Вып. I.

⁵ Гияс ад-дин Али. Указ. соч., стр. 13.

⁶ Там же, предисловие В. В. Бартольда, стр. XXVIII.

Сочинения, подобные дневнику Гияс ад-дина Али, и легли в основу той официозной историографии, которая даёт нам главный свод фактических сведений о жизни и деятельности Тимура и представляет собой полное обозрение его политической биографии. Первое из этих сочинений, дошедших до нашего времени, — «Зафар-Намэ» («Книга побед») Низам ад-дина Шами. Из биографии Тимура, приведённой в «Зафар-Намэ», мы узнаём, что он, будучи неграмотным человеком (не умел читать ни по-персидски, ни по-турецки), являлся человеком для своего времени весьма образованным и хорошо знал историю стран мусульманского переднеазиатского мира. Тимур держал при себе личных чтецов, которые в часы досуга, дома или в походе, читали ему сочинения по интересующим его вопросам. Тимур одинаково хорошо знал турецкий и персидский, точнее, таджикский, языки и любил книги, написанные простым и понятным слогом.

Сочинение Низам ад-дина Шами является первым по времени лишь из числа дошедших до нас. В предисловии к «Зафар-Намэ» Низам ад-дин Шами вспоминает, что в то время, когда Тимур поручил ему в 804 г. (1401—1402) описать свои походы, история завоеваний Тимура была уже написана, однако последнего она не удовлетворяла⁷.

Значение Низам ад-дина Шами в историографии Тимура выяснено уже с полной убедительностью⁸. Низам ад-дин Шами был родом из Шама, пригорода Тебриза, почему и назывался Шами, т. е. Шамец. С Тимуром он встретился в Багдаде вскоре после завоевания города в 795 г. (1392—1393) и тогда же поступил к Тимуру на службу. Низам ад-дин Шами написал «Зафар-Намэ» простым и ясным слогом и в этом отношении вполне удовлетворял требованиям и вкусам Тимура. Коренное отличие «Зафар-Намэ» Низам ад-дина от сочинения Гияс ад-дина Али в том, что первое охватывает всю политическую деятельность Тимура. Низам ад-дин предпослал своей книге введение, рисующее состояние Средней Азии до появления на исторической арене Тимура в 1360 году. С этого года он начинает подробный рассказ. Закончил своё сочинение Низам ад-дин Шами до смерти Тимура, т. е. до 1405 года. Последняя глава «Зафар-Намэ» посвящена описанию празднеств в Карабаге Аранском (Советский Азербайджан)⁹ весной 1404 года. «Зафар-Намэ» написано на материале дневников отдельных походов, которые велись вышеупомянутыми секретарями и историографами Тимура. Издатель сочинения Гияс ад-дина Али Л. А. Зимин доказал, «что описание индийского похода у Низам ад-дина сделано целиком путём извлечений и сокращений рассказа Гияс ад-дина Али»¹⁰. Значение «Зафар-Намэ» Низам ад-дина Шами как источника для изучения Тимура и его времени исключительно велико. Собранный в нём свод фактического материала лёг в основу всех последующих сочинений, посвящённых жизни и деятельности Тимура. Несмотря на апологетический характер изложения, историку легко разобраться в том, что в его рассказе достойно доверия и что требует к себе критического отношения.

Вторым по времени крупным сочинением о Тимуре, также носящим официозный характер, является большой труд Шереф ад-дина Али Иезди под таким же заглавием — «Зафар-Намэ» — «Книга побед». Как показывает имя автора, он был родом из города Иезда (Западный Иран). Жил Шереф ад-дин сначала при дворе Шахруха (1405—1447), а потом при дворе его сына Ибрахим-султана, бывшего правителем Фарса. Последние

⁷ Низам ад-дин Шами «Зафар-Намэ», стр. 10—11. Изд. Tauer. Praha. 1937.

⁸ Библиографию по этому вопросу см. В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, II, стр. 105. 1941.

⁹ Низам ад-дин Шами. Указ. соч., стр. 292—295.

¹⁰ Гияс ад-дин Али. Указ. соч. Предисловие издателя, стр. VI. Подтверждение этому мы находим в сравнении текста «Дневника индийского похода» с текстом «Зафар-Намэ» Низам ад-дина Шами.

годы своей жизни Шереф ад-дин Али Иезди провёл в местечке Тафт, вблизи Иезда, где и умер в 1454 году.

Сочинение Шереф ад-дина Али Иезди, написанное уже после смерти Тимура, было закончено в 828 г. (1424—1425). Шереф ад-дин указывает, что начало этой работы положено было внуком Тимура Ибрахим-султаном с помощью его секретарей в г. Ширазе. Шереф ад-дин лишь литературно обработал это произведение. Повидимому, Шереф ад-дин Али Иезди сильно преувеличил роль своего покровителя в деле написания «Зафар-Намэ», что в известной мере объясняется характером отношений между царевичем-правителем и зависящим от него придворным писателем-историком. Кто бы ни был автором второго по времени «Зафар-Намэ», в основу его он положил текст сочинения Низам ад-дина Шами, что легко проверить путём сравнения основных частей обеих книг. Однако у Шереф ад-дина Али Иезди приведено больше фактического материала, чем у его предшественника; объясняется это тем, что у него были дополнительные источники. Шереф ад-дин обращался не только к труду Низам ад-дина Шами, но к тем же дневникам походов, что и последний, причём извлёк отсюда больше фактов, чем его предшественник.

В распоряжении Шереф ад-дина был источник, которым Низам ад-дин Шами не пользовался совсем,— хроника «Тарих-и-Хани», составленная в стихотворной форме уйгурскими секретарями, на уйгурском языке, уйгурским письмом. К сожалению, этот источник, не раз упоминаемый в восточной историографии, до нас не дошёл. Черпал сведения Шереф ад-дин Али Иезди также у отдельных участников походов Тимура, в рассказах которых было немало деталей, совершенно отсутствующих в упомянутых выше дневниках.

Труд Шереф ад-дина, включающий много новых по сравнению с трудом Низам ад-дина фактов из жизни Тимура, касающихся, правда, деталей, имеет и больше недочётов. Мы имеем в виду прежде всего стиль его труда: «Зафар-Намэ» написано языком пышным и витиеватым, так насыщено фразеологией, что часто страницу рассказа можно свести к нескольким строчкам. Прозаическое изложение пересыпано стихами, в подавляющем большинстве принадлежащими самому Шереф ад-дину. В ещё большей мере, чем его предшественник, Шереф ад-дин является апологетом Тимура. Автор везде, где только возможно, восторгается Тимуром, старается показать, что поступки его вызывались благородством его побуждений и являлись плодом его глубокой мысли. В тех случаях, когда, как во время «грязевой битвы» 1365 г. на берегу р. Чирчика, Тимур вместе с эмиром Хусейном были полностью разбиты, Шереф ад-дин целиком перелагает вину на сподвижника Тимура, старшего эмира Хусейна. Даже такие жестокие поступки Тимура, как истребление по его приказанию населения в восставшем Исфагане в 1387 г.¹¹ или убийство 100 тыс. пленных перед сражением в Индии с дехлевийским султаном Махмудом, находят у Шереф ад-дина полное оправдание. Впрочем, так же высказывается по этим вопросам и другой историограф Тимура — Низам ад-дин Шами¹².

Как образец хвалебного тона изложения позволим себе привести несколько строк из сочинения Шереф ад-дина Али Иезди. Описывая своё впечатление от соборной мечети Тимура, выстроенной последним в годы 1399—1404 на средства, награбленные во время индийского похода, автор восклицает: «Если ты ищешь сравнения для арки и купола её макусы, ничего нельзя сказать, кроме как — млечный путь и небесный свод. Купол был бы единственным, если бы небо не было его повторением, и единственной была бы арка, если бы млечный путь не оказался ей парой»¹³.

¹¹ Шереф ад-дин Али Иезди. Указ. соч. Т. I, стр. 434.

¹² Низам ад-дин Шами. Указ. соч., стр. 188.

¹³ Якубовский А. «Образы старого Самарканда». «Восток». Т. V, стр. 153.

В этих строках восхваление Тимура переходит всякие границы. Трудно себе представить, как мог правоверный мусульманин сказать: «Купол был бы единственным, если бы небо не было его повторением» вместо «Купол был бы единственным, если бы не был повторением неба».

В апологетике Шереф ад-дина Али Иезди разобратся нетрудно, и историку легко критиковать «Зафар-Намэ» как исторический источник. К «Зафар-Намэ» написано обширное предисловие — «Мукад-дамэ», однако до сих пор нет уверенности, что автором его является Шереф ад-дин Али Иезди. Характерно, что наиболее старые рукописи «Зафар-Намэ» не содержат этого введения. В предисловии даётся, главным образом по Рашид ад-дину, изложение событий, начиная от Чингис-хана до Тимура.

Совершенно в стороне от линии сложения двух «Зафар-Намэ» — Низам ад-дина Шами и Шереф ад-дина Али Иезди — находится такой ценный источник, как «Аноним Искендера». Долгое время не знали, кто был автором сочинения, известного в науке под именем «Анонима Искендера». В конце своей жизни В. В. Бартольд смог наконец определить, что автором «Анонима» является некий Муин ад-дин Натанзи¹⁴, служивший при дворе внука Тимура Искендера (сын Омар-шейха), бывшего наместником в Фарсе и Исфагане между 1409—1414 годами. По его поручению и составил Муин ад-дин Натанзи своё сочинение¹⁵.

Последнее не является историей только правления Тимура. Изложение событий, связанных с именем Тимура, занимает лишь одну главу его общего сочинения по истории. Внимательное чтение раздела о Тимуре убеждает, что источники его иные, чем у Низам ад-дина Шами и Шереф ад-дина Али Иезди. В тексте Муин ад-дина Натанзи встречается много тюркских и монгольских слов; это обстоятельство дало возможность предположить, что основной источник «Анонима Искендера» был написан на тюркском языке и не был известен двум вышеупомянутым историкам¹⁶. Ввиду несовпадения данных этого источника с данными уйгурской хроники Тарихи Хани исключается возможность их отождествления.

Сочинение Муин ад-дина Натанзи составлено в 1413—1414 гг., т. е. на 11—12 лет раньше сочинения Шереф ад-дина. Как дополнительный источник по истории Тимура, оно чрезвычайно важно, так как заключает в себе факты, совершенно отсутствующие в других источниках.

Указанными выше авторами источники о Тимуре не исчерпываются. О жизни Тимура много написано у Хафиза Абру, Абд ар-Резака Самарканди и Мирхонда, знаменитых историков XV в., составивших сочинения по всеобщей истории. Из них Хафиз Абру при написании своего труда использовал, с одной стороны, сочинение Низам ад-дина, с другой — упомянутый выше безымянный источник на тюркском языке, на данных которого построена глава о Тимуре у Муин ад-дина Натанзи. Однако Хафиз Абру извлёк из тюркского источника немало таких сведений, которых совсем нет у Муин ад-дина Натанзи. В этом большая ценность главы о Тимуре у Хафиза Абру. Что касается Абд ар-Резака Самарканди, так же как и писавшего вскоре после него Мирхонда (умер в 1498 г.), то оба они использовали (непосредственно или опосредственно) Низам ад-дина Шами, Шереф ад-дина Али Иезди и более всего — Хафиз Абру.

Таковы сочинения по истории Тимура, вышедшие из среды придворной тимуровской и тимуридской историографии и носящие официальный и апологетический характер.

Наряду с ними имеются письменные источники, авторы которых

¹⁴ См. Бартольд В. В. «Определение «Анонима Искендера». Доклады АН СССР. Б. 1927, № 6, стр. 115—116.

¹⁵ Одна из двух рукописей находится в Институте востоковедения АН СССР под шифром С 331.

¹⁶ А может быть, и просто не использован.

происходили из среды, никак не связанной с придворной жизнью Тимура и его преемников, и имели полную возможность высказываться свободно.

Среди этих источников необходимо прежде всего отметить большой труд по истории Тимура, составленный на арабском языке Ибн Арабшахом, «Аджаиб ал-макдур фи наваиб ал-Тимур» («Чудеса предопределения в событиях (жизни) Тимура»)¹⁷.

Несколько слов из биографии Ибн Арабшаха сделают понятным характер его книги о Тимуре. Ибн Арабшах — араб по происхождению, родом из Дамаска, родился в 1388 году. Двенадцатилетним мальчиком он был взят в плен Тимуром и увезён в Самарканд. Всё виденное и пережитое в детские и отроческие годы предопределило его отношение к Тимуром, которого он ненавидел со всей страстностью своей незаурядной натуры. К походам Тимура и его грабительской и захватнической политике он относился глубоко отрицательно, что сказалось на всей его книге, хотя Ибн Арабшах нигде не отказывает Тимуром ни в уме, ни в организаторском таланте, ни в военном гении. Книга Ибн Арабшаха в качестве своего основного источника имеет как личные наблюдения и воспоминания автора, так и рассказы современников Тимура, участников его походов, участников и свидетелей многих его дел и событий его царствования. Нечего и говорить, как много фактов из жизни Тимура известно нам только по книге Ибн Арабшаха! Особенно интересно и ценно у Ибн Арабшаха описание тех фактов и событий из жизни Тимура, которые изложены и освещены у Низам ад-дина Шами и Шереф ад-дина Али Иезди. Сравнение описания событий в официозной историографии с критическим освещением Ибн Арабшаха часто помогает разобраться в том, как протекали они на самом деле и какое они произвели впечатление на современников. Такая сравнительная работа полезна, между прочим, и в том отношении, что даёт нам право считать хотя бы формально достоверными факты, сообщаемые официозной историографией, — место, время, масштабы происшедших событий и фактов. Ибн Арабшах был образованным человеком; будучи в плену, он много путешествовал, побывал в Хорезме, Астрахани, Сараях, Крыму, изучил языки персидский, монгольский, а в Адрианополе, уже при возвращении на родину, — турецкий.

Огромное значение для истории Тимура имеет известное посольство Рюи Гонзалеса де Клавихо, отправленное ко двору Тимура в Самарканд кастильским королём Генрихом III. Посольство выехало из Испании в 1403 г. и вернулось на родину в 1406 году. В Самарканде посольство провело значительную часть 1404 года. Клавихо виделся с Тимуром несколько раз, говорил с ним, много слышал рассказов о нём, лично побывал в Самарканде и других городах в государстве Тимура. Всё виденное и слышанное он записал в форме дневника¹⁸. Рюи Гонзалес де Клавихо — наблюдатель тонкий и умный. Его положение независимо, и его отношение к Тимуром могло быть беспристрастно. Так же, как Ибн Арабшах, он записывал не только лично им виденное, но и то, что ему приходилось слышать. Если Ибн Арабшаха можно ещё упрекнуть в пристрастном, отрицательном отношении к Тимуром, то Клавихо этого нигде не проявляет.

Сочинения обоих этих авторов, представляющие группу частных свидетельств о Тимуре, являются ценнейшими источниками о его юности и молодых годах. Известно, что данные о молодых годах Тимура в официозной историографии отсутствуют; подробные данные о жизни Тимура начинаются лишь с похода Токлук-Тимура на Мавераннахр в 1360 году.

¹⁷ Лучшее издание текста сделано в Калькутте в 1818 г. Ахмедом аш Ширвани. Более раннее издание Manger с латинским переводом выпущено в 1762—1772 годах. Библиографию об Ибн Арабшахе см. Е. J. II. 385. Об английском переводе Sanders см. рецензию И. Ю. Крачковского. «Советское востоковедение». Т. II, стр. 293—297.

¹⁸ Рюи Гонзалес де Клавихо «Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 годах». Подлинный текст с переводом и примечаниями И. И. Срезневского. С.-Петербург. 1881.

Молчание это, конечно, объясняется тем обстоятельством, что годы юности и ранней молодости Тимура были полны событиями, которые компрометировали его. Извращать факты официозная историография не хотела, почему и предпочитала первые 25 лет жизни Тимура вычеркнуть из его биографии.

В качестве весьма заслуживающего внимания источника о молодых годах Тимура нужно отметить и русскую летопись. Русская летописная историография XV—XVI вв. хорошо была осведомлена как о событиях в Золотой Орде XIV—XV вв., политической жизни Средней Азии, связанной с деяниями царя Темир-Аксака XIV—XV вв., так и об историко-географических представлениях о Ближнем Востоке. Небезынтересно, что восточная историография XV в., хорошо осведомлённая в географии и истории мусульманских стран, не имеет даже самых элементарных сведений о Руси. Ниже мы будем иметь возможность убедиться, насколько ценен рассказ Никоновской (или Патриаршей) летописи о ранней молодости Тимура.

Огромную роль для политической и культурной истории времён Тимура играют в качестве первоисточника памятники материальной культуры, особенно знаменитой тимуровской архитектуры.

Первоклассные постройки и их остатки, относящиеся ко времени Тимура, — мечети, мавзолеи, ханаки, дворцы (городские и загородные) в Самарканде, Шахрисябзе, Туркестане и других местах, — дают возможность судить о технических приёмах возведения построек, о технике и художественных приёмах орнаментации зданий поливными изразцами (резные, расписные и мозаичные наборы), о мотивах и темах этой орнаментации, наконец о связи всех этих приёмов орнаментации с культурным наследием Мавераннахра и стран, покорённых Тимуром, откуда он вывез в Среднюю Азию, особенно в Самарканд, так много различных мастеров, художников и учёных. Исключительное место на этих постройках занимают надписи — коранические и светские. Среди последних мы находим даты построек, имена строивших их зодчих, имена мастеров, выкладывавших замечательные изразцовые композиции. В надписях можно, наконец, встретить выражения, характеризующие представления Тимура о значении его власти, титулатуру, которую он применял к себе, и т. д.

Тимуровское время сохранило, наконец, и немало отдельных памятников искусства, связанных по большей части с архитектурой, например резные деревянные двери, бронзовые подсвечники из мечети, росписи внутренних стен в мечетях, мавзолеях и т. д.

Все эти произведения искусства (изделия из бронзы, дерева, керамика) дают также возможность судить о местных традициях, с одной стороны, и о культурных и политических связях с соседними странами — с другой. Большое значение имеют и надписи на этих предметах, особенно на изделиях из бронзы (подсвечники, котёл). Достаточно просмотреть имена мастеров с их нисбами¹⁰, которые упомянуты на зданиях и отдельных памятниках, чтобы судить о той роли, которую сыграли мастера, вывезенные Тимуром из покорённых им стран.

Широко распространено мнение, что эпиграфический материал (надписи) являет собой надёжный документальный источник. В основном это, конечно, так, однако и к надписям нужно относиться критически и проверять достоверность сообщаемых ими сведений. Как это важно, видно на таком примере. Известно, что Тимур был сыном барлаского эмира Тарагая и никакого отношения ни прямо, ни косвенно к Чингисидам не имел. Об этом ясно говорят все вышеотмеченные источники (официозные и неофициозные), а между тем именно в надписи на знаменитом

¹⁰ Нисба — прозвище по происхождению из определённого города или селения, например Самарканди — самаркандец, Мервези — мервец.

нефритовом надгробном камне, находящемся в Гур-Эмире, приводится подложная генеалогия Тимура, сближающая генеалогические линии Чингис-хана и Тимура в происхождении от общего предка²⁰. То, на что не решилась пойти официозная исторнография (Низам ад-дин Шами и Шереф ад-дин Али Иезди), сделала посмертная надпись, возведя Тимура если не в ряды Чингисидов, то, во всяком случае, найдя ему с Чингис-ханом общий генеалогический корень, что в известном смысле могло рассматриваться как более ценная черта в генеалогии могущественного эмира.

1. СРЕДНЯЯ АЗИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII В. И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIV ВЕКА

В 1251 г. земли Средней Азии, составлявшие тогда Чагатайский улус, вышли на короткое время из повиновения дому Чагатая. Золотоордынский хан Батый заключил с сыном Тулуя Мунке союз против потомков Угедея и Чагатая. На курултае в Каракуруме в 1251 г. Мунке при содействии Батыя захватил власть каана над монгольской империей в свои руки. Рашид ад-дин подробно рассказывает о событиях, при которых произошёл этот переворот²¹.

Когда появились первые признаки неповиновения власти Мунке каана, последний начал преследовать своих действительных и мнимых противников. Большинство членов домов Чагатая и Угедея, а также их эмиров было истреблено. Последствием этого переворота была передача Мавераннахра под власть Золотой Орды, сначала Батыя, а потом Берке-хана (1256—1266). При Мунке, ставшем великим монгольским ханом (1251—1259), произошло крупнейшее политическое событие — поход его брата Хулагу в Иран. В сентябре 1254 г., согласно рассказу Рашид ад-дина, Хулагу-хан разбил свою ставку на равнине Кан и-Гиль, у самого Самарканда. Откупщик Масудбек расставил здесь для него тканый чистым золотом шатёр. В течение 40 дней самаркандская знать устраивала монгольскому завоевателю пиры, охоты и другие увеселения. Поход Хулагу имел последствием полное завоевание Ирана. В 1258 г. Хулагу-хан захватил Багдад и уничтожил аббасидский халифат. Вскоре в Иране с центром в Тебризе было положено начало монгольскому хулагидскому государству.

В 60-х годах внуку Чагатая Алгую удалось выгнать из Мавераннахра золотоордынских чиновников и восстановить Чагатайский улус. Опираясь на 15-тысячное войско, Алгуй в Чагатайском улусе мог чувствовать себя прочно. В Самарканде, Бухаре и других местах Мавераннахра люди Алгуя сводили счёты со всеми, кто служил джучидам в годы изгнания Чагатаидов. Среди пострадавших за связи с Берке-ханом был и сын знаменитого бухарского шейха Сейф ад-дина Бахарзи. В связи с арестами и казнями была проведена конфискация личного имущества казнённых. Было восстановлено в Чагатайском улусе правление откупщика Масудбека. Согласно описаниям Рашид ад-дина, Масудбек, по приказу Мунке-каана, кроме Мавераннахра, управлял ещё городами уйгуров, Ферганой и Хорезмом²². Таким образом, Масудбек был откупщиком в Чагатайском улусе с небольшим перерывом со времени отъезда его отца Махмуда Ялавача в 1238 г. к великому хану Угедею и до своей смерти, в 1289 году. Чагатайские ханы мало вмешивались в дела управления Мавераннахром и интересовались главным образом доходами с него, которые аккуратно поступали от Масудбека как откупщика налогов и податей. Рашид ад-дин рассказывает, что когда Алгуй-хан взял себе в жёны ханшу Эргенэ-

²⁰ Blochet E. «Les inscriptions de Samarkand». «Revue archéologique». Paris. 1897, p. 7—10.

²¹ «Introduction à l'histoire des Mongols», by Blochet, p. 274—286. 1910.

²² Рашид ад-дин, стр. 309, также 85—86. Изд. Blochet. Здесь также говорится, что Уйгуристан, Хотан, Кашгар, Алмалык, Каялык, Самарканд, Бухара и земли до Аму-Дарьи были переданы Масудбеку.

хатун, то, зная её хорошее, полное доверия отношение к Масудбеку, предоставил последнему Мавераннахр в бесконтрольное управление. Масудбек старался всячески угодить Алгую и беспощадно обирал земледельческое и ремесленное население городов. Благодаря таким поборам дела Алгуя улучшились настолько, что он мог содержать большое и хорошо вооружённое войско²³.

В 60-х же годах XIII в., вскоре после смерти Алгуя, внутри Чагатайского дома начались расхождения по вопросу о Мавераннахре. Чагатай и его ближайшее монгольское окружение были отрицательно настроены к исламу и исламской культуре. Однако чагатайские ханы — Мубарек-шах и Борак-хан — приняли ислам. Более того: церемония возведения Мубарек-шаха на чагатайский престол в 1266 г. происходила не в долине реки Или, а в Мавераннахре, в долине реки Ангрена, что говорит о перемене взглядов на Мавераннахр и о желании хана быть вблизи этой богатой страны, если не в ней самой. Тогда же вместе с ханом Мубарек-шахом в Мавераннахр перешли и некоторые монгольские роды, в том числе джелаиры и барласы. Первые избрали местом своих кочевий долину Ангрена, вторые — долину Кашка-Дарьи. Эти роды пришли из Семиречья уже в какой-то мере в отношении языка отюреченными. Процесс отюречения на новых местах ускорился; не прошло и столетия, как джелаиры и барласы вошли в состав тюркских племён.

Политика усиления внимания к Мавераннахру в некоторых кругах Чагатайского дома, особенно среди кочевой монгольской аристократии, встречала резкую оппозицию. Под влиянием последней чагатайский хан Кайду в 1269 г. собрал в Таласской долине курултай монгольских царевичей и нойонов. На курултае победили противники ориентации на Мавераннахр, и участники курултая заключили, по словам Рашид ад-дина, между собой договор, «что они впредь будут жить на горах и в степях, не будут держаться вокруг городов, не будут пускать скот на засеянные поля и делать необоснованные взыскания с подданных (раайя)»²⁴.

Постановление курултая 1269 г. не могло, однако, затушевать глубокого противоречия внутри Чагатайского улуса по вопросу о Мавераннахре. Ханы всё больше сочувствовали переходу к городской жизни и стремились взять непосредственно в свои руки власть над богатой, культурной страной — Мавераннахром. Более того: всё больше углублялись различия между монголами Семиречья и джелаирами и барласами, осевшими в Мавераннахре. Оставшиеся в Семиречье чагатаи смотрели с презрением на чагатаев, переехавших в Мавераннахр и утративших тем самым чистоту кочевнических традиций, и презрительно именовали их караунасами, т. е. метисами. В свою очередь последние рассматривали чагатаев в Семиречье как отсталых и грубых варваров и называли их «джетэ», т. е. разбойниками²⁵. Чагатайский улус постепенно распался на две части: Мавераннахр и Моголистан, включающий в себя, кроме Семиречья, Кашгар. Однако это произошло только в XIV веке.

В XIV в. противоречия между чагатайскими ханами, стремившимися к установлению прочных связей с культурными районами, и военной кочевой аристократией, желавшей продолжать кочевнические традиции, обострились до крайности. Ярким выразителем первого направления был чагатайский хан Кебек (1318—1326), выстроивший себе в двух фарсах (12—14 км) от Несефа дворец (карши). Впоследствии около этого дворца вырос целый город, перенявший имя Карши и перетянувший к себе жизнь из пришедшего в упадок Несефа. Ко времени Кебек-хана откупная система взимания налогов и податей, а также система управления Мавераннахром совершенно изжили себя. Сельское и городское население, недовольное откупными порядками, готово было энергично поддер-

²³ Тизенгаузен В. Указ. соч., Т. II, стр. 73.

²⁴ Там же, стр. 78.

²⁵ См. подробно у В. В. Бартольда «Улугбек и его время», стр. 11.

жать попытку чагатайских ханов взять в свои руки управление страной. Это обстоятельство и учитывал Кебек-хан, когда приступил к проведению в жизнь двух важных реформ: денежной и административной, — так как Мавераннахр в это время очень страдал от отсутствия единой денежной системы с соседними мусульманскими странами. Этот недостаток и решил восполнить Кебек-хан. За образец он принял денежную систему, введённую Газан-ханом в Иране (1295—1304).

Отсутствие единого монетного образца, а также единой и обязательной для всех пробы золота и серебра во владениях Хулагидов до Газан-хана привело к большой денежной пестроте и к многочисленным злоупотреблениям, подрывавшим народное благосостояние. Согласно описаниям Рашид ад-дина²⁶, купцы в большей мере были заинтересованы скупкой и спекуляцией золотыми и серебряными монетами, чем продажей своих товаров. Они скупали монету в областях, где она была более высокого качества, и спекулировали ею в районах, где монета была низкопробной.

Чтобы изжить все эти злоупотребления, Газан-хан издал, по словам Рашид ад-дина, указ, согласно которому на территории всего государства серебро в чеканной монете должно было равняться по весу трём мискалям в одном динаре²⁷.

На основании этих слов Рашид ад-дина В. В. Бартольд в своей классической работе «Персидская надпись на стене анийской мечети Мануче» и высказал положение, что при Хулагидах основной монетой государства был серебряный динар в три мискаля весом и что золотые монеты «при Хулагидах, как и его преемниках Джалаиридах, чеканились только в ограниченном количестве, для торжественных случаев»²⁸. В. В. Бартольд, несомненно, прав в этом своём положении, однако для точности следует внести оговорку. В том же указе предписывается чеканить и золотые монеты весом в 100 мискалей²⁹. Повидимому, золота было не так уж мало, если при Джалаиридах, во время похода Тохтамыша в 1385—1386 гг. на Тебриз, жители города должны были внести и внесли в качестве оплаты за обещание снять осаду 250 туманов золотом³⁰. В указанной работе В. В. Бартольд исчерпывающе выяснил, что серебряный динар содержал 6 дирхемов, каждый весом в полмискаля.

В начале XIV в. в Мавераннахре наблюдались такая же беспорядочность в денежном обращении, такие же злоупотребления чиновников и спекулянтов, как и в Иране при Хулагидах. Кебек решил прекратить анархию денежного обращения введением единой монетной системы по образцу Газан-хана. Таким образом, и в Мавераннахре, как в Иране и Золотой Орде, стали ходить серебряные динары и дирхемы, однако с некоторой разницей в весе: динар весил 2 мискаля, а дирхем, соответственно этому, — $\frac{1}{3}$ мискаля³¹.

Впрочем, в конце хулагидского периода, при хане Абу Саиде (1316—1335), та же картина наблюдалась и у Хулагидов.

Кроме монетной реформы, Газан-хан провёл и унификацию весовых единиц. По словам Рашид ад-дина, Газан-хан пригласил двух устатов (мастеров) — Фахр ад-дина и Беха ад-дина — из Хорасана и поручил им изготовить образцы единой для всего государства системы гирь. Для гирь была избрана восьмигранная форма, снабжённая определённым штампом. Всего гирь в этой системе было установлено 11, весом от

²⁶ Рашид ад-дин «Тарих-и-Газани» (История Газан-хана). Стамбульская рукопись 717 г. хиджры (= 1317 г.). Ч. III. Рассказ двадцатый (о пробах золота и серебра), стр. 641; русский перевод А. К. Арендса, стр. 269; в ближайшее время должен выйти в издании Института востоковедения АН СССР.

²⁷ Рашид ад-дин. Указ. соч., персидский текст, стр. 642, русский пер., стр. 270.

²⁸ Бартольд В. В. «Персидская надпись на стене анийской мечети Мануче», стр. 17—18. 1911.

²⁹ Указ Газан-хана определённо указывает, что именно из этого золотого чекана должны делаться подарки награждаемым лицам.

³⁰ Тизенгаузен В. Указ. соч., Т. II, стр. 226 (персидский текст), стр. 97.

³¹ Столько же весили серебряные динары и дирхемы в Золотой Орде.

10 манов (ман — 260 дирхемов) до 1 дирхема: 10; 5; 2; 1; 0, 5; 0,25; 0,125 мана, 10; 5; 2; 1 диржем³².

К сожалению, в источниках нет указаний на то, что Кебек по образцу монетной реформы провёл реформу унификации весовых единиц, в чём также нуждалась страна.

Огромное значение в жизни Мавераннахра имела административная реформа, проведённая, повидимому, также Кебеком, хотя об этом нет прямых указаний в первоисточниках.

Из описаний Ибн Арабшаха мы видим, что в начале политической карьеры Тимура Самарканд со всеми рустаками образовывал семь туменов, а Фергана — девять туменов. Под туменом, продолжает Ибн Арабшах, нужно понимать термин, обозначающий такое количество населения, из которого можно было призвать тумен, т. е. 10 тыс. войска (ополчения)³³. Таким образом, ещё до Тимура Мавераннахр был разбит на военно-административные округа — тумены (тюмени). До Кебек-хана (1318—1326) деления на тумены не было, после него до Тимура также никто не мог бы провести этой реформы. Исходя из этого и принимая во внимание реформаторский характер деятельности Кебек-хана, можно со значительной уверенностью приписать административную реформу последнему.

До Кебек-хана, особенно если взять вторую половину XIII в., управление Мавераннахром шло как бы в двойном направлении. С одной стороны, в городах имелись уцелевшие местные династии. В Шаше, Ходженге, Отраре, Таразе сидели местные мелики. В некоторых городах сохранились представители духовной феодальной власти (садры в Бухаре). В Термезе в начале XIV в. сложилась власть наследственных сайдов, известных под титулом худовандзадэ, особенно влиятельных в 30—60-х годах XIV века. С другой стороны, в стране у власти был откупщик Масудбек с подчинёнными ему даругами, баскаками и военными монгольскими отрядами. Вспомним, какое огромное количество злоупотреблений порождала эта система при отце Масудбека — Махмуде Ялаваче. Злоупотребления если и уменьшились после ярлыка Мунке-хана (1251—1259), то не настолько, чтобы можно было говорить о коренных переменах. Возрождение в хозяйственной области шло медленно; города, особенно Бухара и Самарканд, хранили ещё следы разрушений нашествия Чингис-хана.

Масудбек был очень богатым человеком, любил Бухару и обстраивал её хорошими зданиями, из которых нужно отметить медресе «Масудийе»³⁴, где обучалось около тысячи студентов. В Бухаре было ещё одно прекрасное медресе — «Ханийе»³⁵, — выстроенное матерью великого хана Мунке. Обе эти постройки нельзя, однако, рассматривать как показатели хозяйственного подъёма: они лишь исключение из общего правила — экономического и культурного упадка страны.

Кебек-хану, задумавшему прибрать к рукам управление страной, предстояло провести ряд мероприятий чисто административного порядка, да ещё в обстановке сложных феодальных отношений. В самом факте членения Кебек-ханом Мавераннахра на тумены сказалось монгольское влияние. Монголы имели обыкновение территорию улуса (например улус Джучи) делить в военно-административном отношении на «левое крыло»³⁶ и «правое крыло», каждое из которых в свою очередь распадалось

³² Рашид ад-дин «Тарих-и-Газани». Ч. 3-я, копия с фирмана Газана о пробах золота и серебра. Рукопись стамбульская. 717 г. хиджры (= 1317 г.), стр. 644, русский перевод К. А. Арндса, стр. 272.

³³ Ибн Арабшах. Стр. 17. Каир. 1285 г. хиджры.

³⁴ Juwaini. GMS. XVI, I, стр. 84—85.

³⁵ Там же. Между прочим, в медресе этом мударрисом (профессор) был упомянутый выше знаменитый шейх Сейф ад-дин Бахарзи. Juwaini. GMS, XVI, 3, стр. 9.

³⁶ Например «левым крылом» улуса Джучи считалась Ак-Орда, или Сяняя Орда русских летописей.

на тумены. Фактически с тумена как административной единицы почти никогда не собирали полного тумена, т. е. 10 тыс. воинов.

Чтобы правильно представить эти тумены, нужно помнить, что они выкраивались в сугубо феодальной обстановке. Мавераннахр в это время представлял собой большое число мелких феодальных владений — светских и духовных, оседлых и кочевых. Так, Хутталян, область между Вахшем и Пянджем, был отдельным феодальным владением; Бухара и её вилайет были духовным владением во главе с садром. Джелаиры, жившие в бассейне Ангрена, составляли также феодальное кочевое или полукочевое владение. Во главе его стоял бек (эмир).

Административная реформа Кебека не уничтожила феодальных княжеств с их владетелями, а приспособилась к ним: владения стали административными единицами — туменами, а владетели сделались наместниками. В условиях феодального общества наместники были наследственными. Административная система, введённая Кебеком, не могла преодолеть центробежных феодальных тенденций, в чём и заключается её самое слабое место. Однако, сколько бы ни имела эта реформа недостатков, её нужно признать шагом весьма прогрессивным, сыгравшим положительную роль в деле развития феодальной государственности в Мавераннахре.

Реформы Кебека встречали в оседлом населении Мавераннахра самый сочувственный отклик. Иначе к ним относилась кочевая военная аристократия. После смерти Кебека она всё мобилизовала, чтобы вернуть последующих ханов ко времени и политике Кайду и решениям Таласского курултая 1269 года. Началась вновь борьба между ханами и беками кочевых племён. На этой почве и был убит брат Кебек-хана хан Тармаширин (1326—1334)³⁷. Одно время ставка чагатайского хана перенесена была даже в Семиречье. Ханскую ставку вернул в Мавераннахр хан Казан, последний Чингисид в мавераннахрской части Чагатайского улуса.

Казан-хан весьма настойчиво и умело продолжал политику Кебека. Главы чагатайских родов за это его остро ненавидели. Борьба возобновилась. Во главе недовольных стал бек Казаган. В сражении между Казан-ханом и Казаганом первый был убит³⁸. Власть в Мавераннахре попала в руки Казагана.

Казаган не именовал себя ханом, а ограничился титулом эмира. Для придания законности своим действиям он завёл подставного хана из Чингисова дома. Вначале подставным ханом был Данишмендча, потом — Баян Кули-хан³⁹. От имени подставного хана последний и чеканил свои монеты. Правление Казагана (1346—1358) было ярким выражением воззрений и интересов кочевой военной аристократии, которая более всего заинтересована была в организации набегов и грабительских походов на соседние страны.

Зиму Казаган проводил в Сали Сарае, лето — в Хутталяне, в городе Мунк (ныне развалины, вблизи Ховалинга) и его окрестностях⁴⁰. Для набегов Казаган избрал Герат и Гератскую область, находившиеся под властью династии Куртов. Казаган произвёл большие опустошения в окрестностях Герата, забрал большую добычу, но Герата захватить не мог: не удалось ему овладеть укреплениями последнего, возобновлёнными незадолго перед тем. В 1358 г. на охоте Казаган был убит по прямому наущению монгольского хана Кутлуг Тимура⁴¹ одним из его ноёнов. Между прочим, в убийстве Казагана принял участие владетель Хутталяна — Кейхоерау⁴².

³⁷ Бартольд В. В. «Улугбек и его время», стр. 9.

³⁸ Там же, стр. 10.

³⁹ Низам ад-дин Шами. Указ. соч., стр. 14.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же, стр. 15.

⁴² Там же.

После смерти эмира Казагана в Мавераннахре не было сильного правителя. Страна находилась в состоянии полной феодальной раздробленности. По словам Низам ад-дин Шами, в Мавераннахре в 50-х годах XIV в. было несколько более или менее крупных владений, которые никому не подчинялись и враждовали друг с другом.

Шахрисябз (Кеш) с областью подчинялся Хаджи Барласу. Ходжен-том и его вилайетом владел Баязед, глава джелаиров. Балх и часть его вилайета находились в руках эмира Хусейна, внука Казагана. Родство с Казаганом давало Хусейну надежду поднять свой политический авторитет. Другой частью Балхского вилайета владел Ульджайбуга Сульдуз, повидимому, глава племени сульдуз. Шипурган захватил Мухаммед Ходжа Аперди. В горах Бадахшана своевольничали шахи Бадахшана. Хугталляном владел вышеупомянутый Кейхоерау и т. д.⁴³

Низам ад-дин Шами, перечисляющий все эти владения, замечает, что каждый из владетелей, даже обладавший небольшой военной силой, держал себя по отношению к другим владетелям высокомерно, вследствие чего в стране не прекращались раздоры и смуты, а дела государства пришли в полное расстройство. Более всего от этих смут страдали райаты (крестьяне)⁴⁴.

С каждым годом положение Мавераннахра ухудшалось. Отсутствие сильного правителя в Мавераннахре хорошо было известно за пределами страны, и это обстоятельство прежде всего учёл хан Моголистана Токлуг-Тимур, который решил напасть на Мавераннахр, ограбить его и подчинить себе. В связи с этим Токлуг-Тимур и провёл два похода — 1360 и 1361 годов.

II. МОЛОДЫЕ ГОДЫ ТИМУРА

Как уже было отмечено в официозных источниках, о детстве и молодости Тимура сведений не имеется. Подробные данные о его жизни начинаются лишь с похода Токлуг-Тимура (1360). Однако у Ибн Арабшаха, в русской летописи и у Рюи Гонзалеса де Клавихо имеются некоторые детали, проливающие свет на биографию Тимура до 1360 года.

Тимур родился в селении Ходжа Ильгар⁴⁵, недалеко от г. Шахрисябза, был сыном Тарагая, барласского бека, не очень, повидимому, богатого, но достаточно влиятельного. С юности Тимур любил лошадей, был хорошим наездником, прекрасно стрелял из лука. Среди сверстников он всегда пользовался авторитетом и даже любовью, рано проявив качества вожака. Вот почему в дни молодости Тимура к нему тянулись такие же, как он, молодые барласы, охотно становясь его нукерами (в данном случае конными слугами). У Тимура, так же как и у его отца в молодые годы, было не более трёх — четырёх нукеров. «Говорят, — пишет Клавихо, — что он с помощью своих четырёх или пяти слуг начал отнимать у соседей один день барана, другой день корову»⁴⁶. Постепенно молодой Тимур собрал небольшой отряд конных, хорошо вооружённых людей, которых он в обстановке феодальной анархии направлял в набеги за добычей на земли своих соседей и на караваны проезжавших купцов. По словам Клавихо, который слышал немало рассказов о молодости Тимура, когда набег Тимурову удавался, «он пировал со своими людьми; частью за это, частью за то, что он был человек храбрый и доброго сердца и хорошо делился тем, что у него было, собирались к нему другие люди, так что наконец у него было 300 всадников. Когда их набралось столько, он начал ходить по землям и грабить и воровать всё, что мог, для себя и для них; также выходил на дорогу и грабил купцов»⁴⁷. Повидимому,

⁴³ Низам ад-дин Шами. Указ. соч., стр. 15.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ По словам Ибн Арабшаха, селение названо по имени владетеля этого селения.

⁴⁶ Рюи Гонзалес де Клавихо. Указ. соч., стр. 238.

⁴⁷ Там же.

личная храбрость, щедрость, умение разбираться в людях и выбирать себе помощников, а также ярко выраженные качества вожака, главаря создали Тимуру в долине Кашки-Дарьи среди барласов, особенно в кругу военной кочевой молодёжи, широкую популярность.

Клавихо писал о молодости Тимура со слов лиц, которые были в курсе всего, что рассказывалось тогда в обществе о могущественном эмире Средней Азии. Рассказывая о дальнейшей биографии Тимура, Клавихо приводит эпизод, происшедший в Сеистане. Как-то ночью Тимур «напал на стадо баранов, и в это время пришли сеистанцы, бросились на него и на его людей, многих убили, а его свалили с лошади, ранили в правую ногу, от чего он стал хромым, также в правую руку, от чего он лишился двух маленьких пальцев»⁴⁸. С этого времени Тимур и получил прозвище Тимурленг, т. е. Тимур-хромец, в европейском произношении — Тамерлан.

Биографы не приводят в качестве источника сведений о молодых годах Тимура данных, имеющих в русской летописи. Насколько они соответствуют действительности, мы ещё будем иметь возможность убедиться. Летопись именует Тимура Темир Аксак (турецкий перевод имени Тимурленг — Тамерлан). Родина Темир Аксака — «Междуречье», область между Аму-Дарьёй и Сыр-Дарьёй. «И от той страны бяше сей Темир, сын старейшины некоего от заякских Татар, иже бе за железными враты; ремеслом же бе кузнец железный... Иже прежде бысть он раб у некоего господина; злонравна же его ради отверже его от себе господин его; он же, не имея чем питаться и одеваться, и пребывая крадый и разбивая, и сим питаяся. Еще бо ему тогда младу сушу, и некогда украде у некоего человека овцу, иже и постижен бысть и много бьен, и преломиша ему ногу и бедру наполю, и повергоша его, мняще мрътва, лсом на снеть. Он же по времени мнозе едва исцеле, и ногу свою перебитую жезлом прекова, и того ради прозван бысть Темир-Аксак; Темир бо зовется Татарским языком железо, Аксак же — хромец, и тако толкуется Железный Хромец, яко от вещи и от дел имя приять. И тако по исцелении от ран не токмо не лишился злого своего обычая, но паче горшее неистовствуя, бысть лют разбойник; и съвъкупишася к нему юноши жестоцы и немилостиви, всегда разбивающе и крови проливающие. И, шед, порази некая пастыря и взят овця их, идеже и устрелен бысть в ногу и храмляше; и от сего приобрете имение. И егда бысть их числом яко сто и нарекоша его старейшину разбойником; егда же стяжа тысящу мужей, и тогда уже князем зваху его»⁴⁹.

В рассказе летописи лежат те же данные о юности и молодых годах Тимура, что и в сообщении Клавихо. Новым является лишь упоминание о том, что Тимур «ремеслом же бе кузнец железный». Интересно, что и этот факт не является простым изолированным осмыслением летописца самого прозвища Тимура «Темир Аксак» («Железный Хромец»), а одной из версий происхождения Тимура в рассказе Ибн Арабшаха, автора упомянутой книги о могущественном среднеазиатском эмире. Вообще рассказ Ибн Арабшаха ближе к летописным сведениям о молодости Тимура, чем рассказ Клавихо. Ибн Арабшах говорит не только о том, что отец Тимура был бедный кузнец; так же, как и летопись, он приводит рассказ об украденной Тимуром овце и о пастухе, который вместе со своими товарищами рассек Тимуру стрелой бедро и плечо. У Ибн Арабшаха также имеется рассказ о постепенном увеличении числа нукеров в дружине Тимура, шедших охотно за ним на любой грабительский набег. Размеры и характер набегов определялись наличностью людей, лошадей и вооружения.

Сравнивая описания молодых лет Тимура у Клавихо, Ибн Арабшаха и в летописи, мы имеем все основания сказать, что сходственные и неза-

⁴⁸ Рюи Гонзалес де Клавихо. Указ. соч., стр. 240.

⁴⁹ Никоновская летопись, стр. 246, 247.

висимые от официозной версии данные о ранней биографии Тимура черпались во всех трёх случаях из широко распространённых о нём в народе рассказов. И действительно, в самой летописи говорится, что «о сем же Темире Аксаце поведоша неции»⁵⁰, т. е. источником приведённых сведений являются рассказы современников. Где летописец мог услышать эти рассказы? Нам представляется, что от купцов и других московских людей, которые бывали в городах Золотой Орды: Сараях, Астрахани, Сарайчике. Сношения же Золотой Орды со Средней Азией, мирные и военные, хорошо известны, особенно после походов Тимура против Тохтамыша в 1391 и 1395 годах.

Исключительное сходство летописного рассказа с версией Ибн Арабшаха невольно заставляет нас сблизить эти никак не связанные между собой источники.

Из биографии самого Ибн Арабшаха мы узнаём, что он бывал в Хорезме, Сарайчике, Астрахани, Сараях и в Крыму и, следовательно, мог сам быть распространителем сведений о Тимуре, тем более что эта тема его всегда волновала.

Возвратимся, однако, к Тимур. Владея с детства тюркским и таджикским языками, Тимур хорошо знал не только кочевую, скотоводческую, но и оседлую, земледельческую, среду. Более того: он хорошо знал и городскую жизнь благодаря частым посещениям Шахрисябза, власть над которым тогда была в руках барласского бека Хаджи Барласа. В те годы в духовной жизни людей из среды мусульман большую роль играли мусульманские шейхи. В Шахрисябзе большой популярностью пользовался шейх Шемс ад-дин Кулаль, или, как его именует другой источник (Ибн Арабшах), Шемс ад-дин Фахури. Шемс ад-дин был духовником отца Тимура — Тарагая, и последний сумел внушить сыну свои симпатии к шейху. Хотя Тимур никогда не отличался особой религиозностью, многие свои успехи он приписывал молитвам шейха Шемс ад-дина Кулала.

Когда монгольский хан Токлуг-Тимур появился со своим войском в 1360 г. в Мавераннахре, там не нашлось правителя, который для борьбы с Тимуром смог бы сплотить вокруг себя враждующих между собой владельцев. Поодиночке же они были бессильны бороться. Токлуг-Тимур дошёл до Кашка-Дарьи, не встретив серьёзного сопротивления. Не оказал сопротивления и Хаджи Барлас на Кашка-Дарье.

В 1361 г. Токлуг-Тимур возобновил нападение на Мавераннахр, имея намерение окончательно подчинить себе эту богатую страну. И на этот раз Токлуг-Тимур не встретил на Кашка-Дарье отпора. Более того: Хаджи Барлас испугался столкновения с монголами и бежал в Хорасан⁵¹.

В эти дни и выдвинулся Тимур. Он решил, что целесообразнее сейчас не ссориться с Токлуг-Тимуром, а поступить к нему на службу. Токлуг-Тимур охотно принял его предложение и, отправляясь домой, передал Тимурову управление Кашка-дарьинским вилайетом. Так Тимур в 25 лет стал владельцем небольшого, но богатого тумена, вместо бежавшего Хаджи Барласа⁵².

В 1361 же году произошло сближение Тимура с эмиром Хусейном, внуком Казагана. Однако Тимур недолго был на службе у монгольского хана. Когда последний направил своего сына Ильяса Ходжу правителем в Мавераннахр, Тимур не пожелал служить последнему, порвал с ним и стал самостоятельным владельцем. Не исключена возможность, что этот разрыв произошёл благодаря поддержке Хусейна⁵³.

Годы 1361—1365 являются временем наибольшей близости между двумя эмирами. Их союз был скреплён установлением родственных отношений: сестра Хусейна Улджай Туркан-ага стала любимой женой Ти-

⁵⁰ Никоновская летопись, стр. 158.

⁵¹ Низам ад-дин Шами. Указ. соч., стр. 18.

⁵² Там же.

⁵³ Там же, стр. 19.

мура. В эти годы оба эмира были наиболее крупной силой в Мавераннахре. Однако союз свой они использовали главным образом в личных интересах, совершая набеги для захвата большой добычи. Не всегда в эти годы им улыбалась судьба. Так, в 1362 г. они провели 62 дня в плену у туркмена Али-бека в селении Махан⁵⁴ (ныне г. Мары). Через некоторое время мы видим их в Сеистане. Хусейн и Тимур чуть не погибли здесь. В разыгравшемся сражении Тимур, как мы указывали выше, был тяжело ранен в правую руку и правую ногу. Рука эта у него почти высохла, а на правую ногу Тимур всю жизнь хромал, почему и получил прозвище Тимурленга — Тимура-Хромца, в европейском произношении — Тамерлана.

Изгнанный из Мавераннахра после смерти Токлуг-Тимура, Ильяс Ходжа не хотел мириться со своим положением и готовил поход на Мавераннахр. В 1365 г. Ильяс Ходжа с большим войском отправился в Мавераннахр. Хусейн и Тимур, зная, что Ильяс Ходжа особенно настроен против них, со своей стороны собрали войско. Битва, вошедшая в историю под названием «грязевой битвы», произошла между Чиназом и Ташкентом. В момент сражения начался сильный ливень. Образовалась липкая, скользкая грязь, лошади теряли устойчивость и падали. Тимур и Хусейн проиграли сражение⁵⁵.

Оба эмира покинули место боя и с остатками войска ушли сначала в сторону Самарканда, а потом, признав дальнейшее сопротивление бессмысленным, спустились на юг к Аму-Дарье, которую и перешли, скрывшись в Балхской области.

Такое поведение обоих правителей открывало врагу свободную дорогу на Самарканд. Самарканд в то время не имел ни укрепленных стен, ни цитадели, где можно было бы укрыться на случай осады города. Более того: Хусейн не оставил в нём ни гарнизона, ни военачальников. Таким образом, население древнего города было оставлено на произвол судьбы, на волю победителя — Ильяса Ходжи. К счастью для Самарканда и его многочисленных жителей, в городе в это время находилась значительная группа сербедаров. В ту эпоху сербедарство широко было распространено в Северо-Восточном Иране, главным образом Хорасане и Мавераннахре. Это было весьма прогрессивное течение, ставившее своей основной задачей освобождение родной страны от монгольского ига. Сербедарство широко поддерживалось демократическими слоями городов, прежде всего ремесленниками и учащейся молодёжью, лавочниками, за пределами городов — крестьянством и средними землевладельцами.

Только феодальная аристократия, высшее мусульманское духовенство да крупное купечество были довольны монгольскими порядками и враждебно относились к сербедарской пропаганде. Однако и в среде феодальной аристократии, особенно среди патристически настроенной молодёжи, имелись элементы, сочувствовавшие сербедарам. Сербедар — значит висельник. Лучше погибнуть на виселице, говорили сербедары, чем гнуть спину перед монголами. Среди сербедаров имелись левые группы, которые мечтали о некотором улучшении положения народных масс города и деревни.

Когда весть о приближении монголов Ильяса Ходжи дошла до жителей Самарканда, началось большое возбуждение. Сербедары призывали народ оказать сопротивление монгольскому войску. Среди самаркандских сербедаров особенно выдвинулись: Маулана Задэ, учащийся самаркандского медресе, Абу Бекр, согласно Низам ад-дина Шами, трепальщик хлопка, а согласно другим авторам, даже староста квартала трепальщиков хлопка, и Хурдек и-Бухари, хороший стрелок из лука. Когда в соборной мечети собралось около 10 тыс. чел. знатных и из простого народа, Маулана Задэ, опоясанный мечом, выступил с горячей речью. Он

⁵⁴ Низам ад-дин Шами. Указ соч., стр. 20—21.

⁵⁵ См. описание битвы. Указ. соч., стр. 28—30.

говорил о том, что правитель, взимавший незаконную подушную подать⁵⁶ под видом пошлин и хараджа, в часы опасности бросил население города на произвол судьбы, указывал собравшимся, что жители города не спасутся, если дадут за себя даже самый большой выкуп, подчёркивал, что спасение только в сопротивлении, в борьбе. Заканчивая свою речь, Маулана Задэ обратился к народу с вопросом, кто возьмёт на себя защиту ислама и станет ответственным перед знатью и простыми.

Знатные люди хранили полное молчание. Тогда Маулана Задэ спросил простой народ, окажет ли он ему содействие, если он примет на себя ответственность⁵⁷. Простой народ обещал отдать себя в полное распоряжение Маулана Задэ.

Получив полномочия народа, сербедары под руководством Маулана Задэ и Абу Бекра, который имел большие связи в среде самаркандских ремесленников, начали энергичную подготовку к обороне родного города. Задача эта была очень трудна: ведь в Самарканде не было ни стен, ни действующей цитадели. Маулана Задэ составил списки годных к военной службе людей и привлёк к работам по укреплению города самые широкие слои населения⁵⁸. Сербедары использовали узкие улицы города для возведения в них баррикад. Свободной была оставлена, повидимому, только главная магистраль города. В наиболее важных и выгодных для обороны пунктах были расставлены лучники. Всё было рассчитано на то, чтобы впустить конных монголов в свободный проход, а с флангов, со стороны забаррикадированных узких улиц, нанести им тяжёлый удар⁵⁹. Монголы не подозревали, что их ожидает в Самарканде, и рассчитывали легко овладеть городом. Однако они ошиблись в расчёте, так как, когда передовые отряды их прошли засаду, Маулана Задэ дал сигнал и на врага посыпались стрелы, камни и палки. Монголам пришлось поспешно уходить, потеряв, по одним данным, тысячу⁶⁰, а по другим — 2 тысячи человек⁶¹.

Вскоре монголам пришлось пережить ещё одну неудачу: среди лошадей начался мор, из каждых четырёх оставалась в живых лишь одна. Так, не получив ни даров, ни выкупа, ни просто награбленной добычи, Ильяс Ходжа вынужден был поспешно покинуть сначала окрестности Самарканда, а потом и Мавераннахр. В городе было большое ликование. Самаркандская оборона показала, как много может сделать народ, когда руководство им попадает в энергичные и верные руки.

Источники скупо говорят о мероприятиях сербедаров в области внутренней жизни Самарканда. У историков XV в. имеется лишь несколько замечаний на этот счёт. Шереф ад-дин приводит стих: «О боже, да не будет того, чтобы нищий стал почтенным человеком!»⁶². Этих слов мы не встречаем у Низам ад-дина Шами, предшественника Шерефа ад-дина Али Иезди. Однако Низам ад-дин Шами говорит о насилиях, которые якобы творили сербедары в отношении к населению Самарканда⁶³.

Хондемир даже отмечает, что сербедары начали творить насилия над имуществом райатов (податное земледельческое и ремесленное население)⁶⁴. Повидимому, самаркандские сербедары провели какие-то демокра-

⁵⁶ По представлениям мусульман, «джизью» (подушная подать) можно было взимать только с неверных.

⁵⁷ ЗВО. XVII. Бартольд В. В. «Народное движение в Самарканде в 1365 г.». Приложение — персидский текст Абд-ар-Реззак Самарканди, стр. 014—015.

⁵⁸ Там же, стр. 015.

⁵⁹ ЗВО. XVII, стр. 016.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же. См. правый столбец, персидский текст, приведённый В. В. Бартольдом как отрывок из сочинений Мусеви «Тарих-и-Хайрат». Впоследствии сам В. В. Бартольд определил этот отрывок, как слова Муии ад-дин Натанзи («Аноним Искендера»).

⁶² Труды Государственной публичной библиотеки УзССР. Т. I, стр. 32. 1935.

⁶³ Низам ад-дин Шами. Указ. соч., стр. 32.

⁶⁴ Труды Государственной публичной библиотеки УзССР. Т. I, стр. 43.

тические мероприятия. В речи Маулана Задэ, между прочим, говорится о незаконном взимании Хусейном с мусульман джизьи, которая, повидимому, была отменена сербедарами.

Весть о победе сербедаров над Ильясом Ходжи дошла до эмира Хусейна и Тимура. Зиму последний проводил в Кеше, а Хусейн — на берегу Аму-Дарьи. Весной они сошлись и направились к Самарканду. Остановились они у самого города, в местности Кан-и-Гиль. Оба эмира дали знать сербедарам, что одобряют их поведение и хотят их видеть. Сербедары поверили «добрым» намерениям эмиров, и действительно на приёме им было оказано много знаков внимания. Однако, когда на следующий день они вновь появились в ставке Хусейна и Тимура, их вероломно схватили, связали и казнили⁶⁵, всех, за исключением Маулана Задэ, которого своим заступничеством перед Хусейном спас Тимур. Что руководило Тимуром в его отношении к Маулана Задэ? Повидимому, между Хусейном и Тимуром существовало разногласие по вопросу о сербедарах. Есть основание думать, что Тимур имел с некоторыми из них старые связи, особенно с сербедарами из среды знати.

Покончив с сербедарами, особенно с таким ярким из них, как Абу Бекр, Хусейн и Тимур вновь подчинили себе Самарканд. Произошло это в конце весны 1366 года. Совместное пребывание в лагере в Кан-и-Гиль было в известной мере испытанием «дружбы» Хусейна и Тимура. Между обоими эмирами начались недоразумения, которые трудно было преодолеть. Разногласия между ними в отношении к сербедарам осложнялись жадностью Хусейна, который хотел заставить некоторых сподвижников Тимура уплатить ему большие денежные суммы, которые они якобы были должны. Потеряв много имущества во время «грязевой битвы», эмиры эти сильно обеднели и не имели возможности отдать долги. Тимур не хотел ставить своих сподвижников в трудное положение и лично пришёл им на помощь. Этим актом щедрости он приобрёл в среде своих военных помощников большую популярность. Хусейн же, напротив, нажил немало недругов среди влиятельных людей. Уже в лагере под Самаркандом оба эмира почувствовали, что каждый из них является помехой для другого. Расхождения между ними с каждым годом усиливались, и бывали периоды, когда оба эмира втягивали в круг своих интересов, взаимных схождения и расхождений других мавераннахрских владетелей. Феодалная анархия в стране не могла продолжаться до бесконечности. Наряду с феодалными сепаратистскими силами, в самом обществе того времени накапливались силы, заинтересованные в феодальном объединении, в сложении прочной государственности. Объединения хотели купцы, ремесленники и мусульманское духовенство, а также массы земледельческого населения. Хотя между Тимуром и Хусейном не было таких резких противоречий, какие в своё время имелись между Кебек-ханом и чагатайскими кочевыми беками, однако Тимур лучше чем Хусейн понимал требования времени и не покладая рук подготовлял в среде духовенства и городского населения сочувствующие ему группы.

В конце 60-х годов Хусейн взял курс на укрепление принадлежавшего ему города Балха. Он перестроил в нём цитадель — Хиндуван — и возобновил её стены. В балхскую цитадель он свёз своё большое имущество и много оружия. Тимур прекрасно понимал, что все эти мероприятия направлены главным образом против него. Не раз он уговаривал Хусейна не строить в Балхе новых укреплений, однако последний его не слушал. Тогда Тимур решил предупредить Хусейна и самому напасть на него. В 1370 г., собрав хорошо вооружённое войско, Тимур осадил Балх и после значительных усилий и больших потерь пробил брешь в стене Балха и овладел городом. Испуганный и растерявшийся Хусейн спрятался в цитадели.

⁶⁵ ЗВО. XVII, стр. 019.

Видя полную безнадёжность своего положения, Хусейн запросил Тимура, какие гарантии тот сможет ему дать в случае, если он сдастся. Тимур просил передать, что обещает сохранить ему жизнь и ничего больше. После этого Хусейн в сопровождении нескольких нукеров вечером вышел из ворот балхской цитадели. Подходя к ставке Тимура, он вдруг струсил, повернул назад и скрылся в первом попавшемся минарете. Случайно забрёл туда какой-то человек, узнал Хусейна и, несмотря на обещание молчать, выдал его людям Тимура⁶⁶. Слова, данного Хусейну, Тимур не сдержал: хотя сам он ничего не предпринимал, он не помешал одному из своих союзников — Кейхоерау, владельцу Хутталяна, — убить Хусейна на основе права кровной мести⁶⁷.

III. ЕДИНОДЕРЖАВИЕ ТИМУРА (1370—1405)

Взятие Балха и смерть Хусейна в 1370 г. были в жизни Тимура крупнейшими и решающими событиями. Ещё до взятия балхской цитадели к Тимуру явился шейх Береке, родом из Мекки, ставший впоследствии его главным духовником, и вручил ему барабан и знамя (символы власти), предсказав великое будущее⁶⁸. Тогда же Тимур, чувствуя себя фактически хозяином большей части Мавераннахра, провозгласил Суюргатмыша из чагатайской ветви Чингисидов ханом, точнее подставным ханом⁶⁹. На собравшемся после падения Балха курултае начальников тимурова войска (командиры туменов и тысяч) Тимур был провозглашён единым государем Мавераннахра. У Тимура в то время не было соперников ни по личным качествам, ни по тому влиянию, которым он пользовался среди остальных феодальных владетелей страны.

Это прекрасно сознавали и представители мусульманского духовенства. В Балх к Тимуру пришли из Термеза известные термезские шейхи братья Абу-л-Маали и Али Акбар с титулом Худаваанд-задэ. Свидание их послужило началом прочных связей с представителями мусульманского духовенства, которые продолжались у Тимура в течение всего его долгого правления.

Одним из первых приказов Тимура было разрушение балхской цитадели и предоставление города на разграбление воинам⁷⁰ в наказание жителей за поддержку Хусейна. В цитадели Балха Тимур захватил огромную казну, часть которой он в качестве добычи и как награду роздал своему войску. Из Балха Тимур направился в свой родной Кеш (Шахрисябз), где вновь роздал награды своему войску. Здесь ему пришлось прежде всего заняться внутренними делами. Победа над Хусейном сделала Тимура первым среди остальных владетелей Мавераннахра. Курултай же в Балхе, на котором, кроме подчинённых ему военачальников, были и его союзники — другие владетели Мавераннахра, — своим постановлением узаконил Тимура в качестве единовластного правителя. Тимур прекрасно понимал, что главная задача, которая поставлена перед ним всей политической обстановкой того времени, заключается в преодолении раздробленности и объединении отдельных владений в прочное и сильное государство. Ещё в Кеше он назначил одного из близких своих сподвижников — эмира Давуда — эмиром дивана, т. е. сделал его как бы своим везирем. Опираясь на проведённое в жизнь Кебек-ханом (1318—1326) административное деление Мавераннахра на тумены, Тимур провёл ряд назначений на должность начальников туменов и на должность тысячников, считая необходимым обеспечить себя достаточным количеством войск.

⁶⁶ Низам ад-дин Шами. Указ. соч., стр. 59.

⁶⁷ Там же, стр. 60.

⁶⁸ Там же, стр. 57.

⁶⁹ Там же, стр. 57—58.

⁷⁰ Там же, стр. 61.

Из Кеша Тимур в том же, 1370 г. переехал в Самарканд, где прежде всего начал строить крепкие стены⁷¹ и цитадель, а также дворец⁷². Хорошо укрепленный Самарканд был необходим Тимуру как надёжный оплот против возможных выступлений со стороны тех из владетелей, которые могли бы сговориться и выступить против Тимура и его объединительной деятельности.

Уже в 1370 г. перед Тимуром встал вопрос, чьи традиции ему продолжать — Кебек-хана или эмира Қазагана. Тимур хорошо знал, что в стране нужно создать твёрдую власть, которая могла бы прибрать к рукам непокорных и беспокойных владетелей, особенно кочевых монгольско-тюркских эмиров из среды джеланров, барласов, сульдзуров и др. В этом направлении и поддерживали его так энергично жители городов и крестьянство, а также представители влиятельного мусульманского духовенства. Вместе с тем Тимур хорошо разбирался в настроениях большинства владетелей Мавераннахра. Свою среду он знал очень хорошо с ранней юности. Он не только прекрасно учитывал, как крепко проникнуты мавераннахрские владетели желанием провести удачный поход с целями добычи, но и сам имел к этому вкус. Большой государственный ум сочетался у Тимура с привычками феодала-владетеля, который не упустит случая захватить у соседа добро, если для этого есть у него достаточная военная сила.

Уже первые годы власти Тимура показали, что он стал сочетать государственную деятельность по объединению Мавераннахра в единое, прочное государство с организацией походов, часто совершенно не связанных с его объединительной работой, а носивших чисто грабительский характер.

Объединить и подчинить земли между Аму-Дарьёй и Сыр-Дарьёй, а также Фергану и Шашскую область Тимуру не представляло особого труда. Здесь не было такого владетеля, который мог бы противопоставить Тимуру свою волю. Другое дело — древняя и культурная область Хорезм, которая нестари, в домонгольскую эпоху, была тесно экономически, политически и культурно связана с Мавераннахром. При монголах Хорезм был разделён на две части: Северный, с г. Ургенчем, вошёл в состав Золотой Орды, а Южный, с городом Кятом, — в Чагатайский улус. В самом начале 60-х годов Хорезм, пользуясь смутами, которые наступили в Золотой Орде после смерти хана Бердибека (1359), оторвался от последней и образовал самостоятельную кунградскую династию Суфи, наиболее ранняя монета которой относится к 762—1361 годам⁷³. Государь из этой династии Хусейн Суфи начал объединение Хорезма, Северного и Южного, и захватил два города: Кят (тогда крепость) и Хиву. Тимур, претендующий на всё наследие Чагатайского улуса, считал этот акт незаконным и решил вернуть Южный Хорезм в состав организуемого им государства.

В 1372 г. Тимур отправил к Хусейну Суфи посла с требованием вернуть захваченное. Хусейн, как и следовало ожидать, в требовании отказал. Тимур немедленно после этого двинул своё войско. Путь к Ургенчу лежал через Кят, который после недолгого сопротивления был взят. Потеря Кята произвела на Хусейна Суфи сильное впечатление, и он готов был пойти на мир и выполнить требования Тимура. Однако один из военачальников войска Тимура, владетель Хутталяна — Кейхосрау, недовольный быстрым возвышением Тимура, уговорил Хусейна не покоряться, обещав перейти на его сторону. Хусейн поверил Кейхосрау и выступил против Тимура, но был в сражении разбит. После этого он скрылся в цитадели Ургенча, где вскоре умер⁷⁴. Это произошло в 1372—1373 году. Место Хусейна

⁷¹ Стены Самарканда были уничтожены в 1220 г. после завоевания города Чингисханом.

⁷² Низам ад-дин Шами. Указ. соч., стр. 61.

⁷³ Массон М. «Монетный клад XIV века из Термеза». Бюллетень САГУ. Вып. 18, № 7. 1929 г., стр. 63.

⁷⁴ Низам ад-дин Шами. Указ. соч., стр. 66—67.

занял его брат Юсуф Суфи. Тимур предложил ему мир, причём одним из условий выставил требование выдать дочку Хусейна, внучку Узбекхана — Хан-Задэ, — замуж за Джехангира, сына Тимура⁷⁵. Юсуф Суфи дал на это согласие. Тогда же Тимур арестовал мятежного Кейхосрау и предал его казни на основе монгольского обычного права (яргу)⁷⁶. Это был первый случай решительного мероприятия против мятежа со стороны влиятельного и сильного феодального владетеля.

Юсуф Суфи не выполнил, однако, условий мира; более того, после ухода Тимура он вновь захватил Кят, открыв этим враждебные действия против правителя Мавераннахра. Этим своим поведением Юсуф вызвал второй поход Тимура в Хорезм (1373—1374). Дело до военного столкновения не дошло, так как Юсуф принёс повинную, обещав срочно выполнить все условия мира⁷⁷.

В результате двух этих походов Южный Хорезм вошёл в состав государства Тимура. Это был большой успех молодого государя.

После 1374 г. Тимур проделал ещё три похода на Хорезм. Последний из них был связан с борьбой Тимура с Тохтамышем и великодержавной политикой Золотой Орды.

Тимур хорошо понимал, что сильная Золотая Орда, так же как и Белая Орда, представляют большую опасность для могущественного государства в Мавераннахре. Вот почему с первых лет своего правления он зорко следил за тем, что происходило в Улусе Джучи. В состав последнего входили Золотая Орда и Белая Орда⁷⁸ как его две части. Деление это было тесно связано с организацией войска. Золотая Орда поставляла из числа своего населения правое крыло (онкол) войска, а Ак-Орда — левое крыло (солжол). Постепенно Ак-Орда как-то обособилась и завела отдельных ханов. После смерти Бердибека (1359) в Золотой Орде начались феодальные смуты. Некоторые эмиры (начальники туменов и тысяч), они же наместники отдельных городов и областей, держали себя как самостоятельные правители, выступали против хана, ссорились друг с другом, чем ослабляли силы Орды.

Особенно тяжёлыми в жизни Золотой Орды были годы с 1360 по 1380. В течение двадцати лет в Золотой Орде сменилось около 25 ханов, не считая временщика эмира Мамая, владевшего всё это время правобережной частью Золотой Орды⁷⁹. Характерно, что большая часть левобережных ханов, сидевших на престоле в Сарае иногда менее года, являлась выходцами из Ак-Орды, из присырдарьинских областей, из левого крыла улус-джучинева войска.

Вспомним ханов Хызра, Темир-Ходжу, Мурида (Амурат в русской летописи) и Кильдибека. Вмешательство Белой Орды в золотоордынские дела шло параллельно с ростом экономического и политического могущества этой прежде отсталой части Улуса Джучи. Особенно решительные шаги в этом отношении предпринял Урус-хан, правивший в Ак-Орде до 1377 года. Урус-хан задумал стать не только сарайским ханом, он решил объединить обе части Улуса Джучи под своей властью. Тимур знал обо всём, что происходило в той и другой Орде, боялся объединения и тем самым усиления опасного соседа и искал случая помешать ему. Случай этот представился. Один из акордынских узбекских эмиров, правитель Мангышлака Туй ходжа-оглан, на курултае выступил против Урус-хана в вопросе о Золотой Орде, за что и был казнён⁸⁰. Сын Туй ходжи-

⁷⁵ Низам ад-дин Шами. Указ. соч., стр. 67.

⁷⁶ Там же, стр. 68.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Белая Орда занимала область Нижней Сыр-Дарьи, города лево- и правобережья от Саурана до Янгикента и степи на север от низовьев Сыр-Дарьи и Аральского моря до Улуг-Тага, Сенгар Ягача, Каратала и Тюмени.

⁷⁹ Имеется в виду правобережье Волги.

⁸⁰ «Абоним Искендера» (Муни ад-дин Натанзи). См. Тизенгаузен В. Указ. соч. Т. II, стр. 235—236 (персидский текст), стр. 131 (русский перевод).

оглана — Тохтамыш — бежал из Ак-Орды и явился к Тимуру, предлагая ему свои услуги. Произошло это в 1376 году. Тимур сразу учёл выгоду иметь в своих руках царевича, противника Урус-хана, которого можно было использовать в качестве соперника последнего.

Вот почему Тимур проявил к Тохтамышу много внимания и одарил его. Более того: он предложил ему свою поддержку, прежде всего военную. Не откладывая дела, Тимур снарядил войско и отправил Тохтамыша в Ак-Орду отвоёвывать у Урус-хана акордынский престол. Тимуру казалось чрезвычайным выгодным иметь в Ак-Орде своего ставленника. Два раза Тимур направлял Тохтамыша в 1376 г. в Ак-Орду, и оба раза Тохтамыш был разбит. Тогда сам Тимур с войском зимой направился против Урус-хана. Поход пришлось прервать из-за сильных морозов. Весной Тимур вернулся на Сыр-Дарью, однако сражения с Урус-ханом не имел, так как последний в это время умер. Это было в 1377 году. Только в 1379 г. Тохтамышу удалось овладеть акордынским престолом⁸¹.

Тимур был доволен таким оборотом дела, он думал сделать Тохтамыша своим верным вассалом и проводником своей политики в Улусе Джучи. Тохтамыш, однако, не оправдал надежд Тимура и, став акордынским ханом, пошёл по стопам политики Урус-хана, т. е. начал внутри Улуса Джучи борьбу за объединение и создание сильной Золотой Орды. Воспользовавшись полным ослаблением Мамаю, которого Дмитрий Донской разбил на Куликовом поле в 1380 г., Тохтамыш в том же году двинулся на Мамаю и на р. Калке нанёс ему быстрое и сокрушительное поражение⁸².

Победа эта дала возможность Тохтамышу захватить власть в Золотой Орде и объединить вновь обе части Улуса Джучи. С каждым годом росли и усиливались противоречия между Тимуром и его коварным, но энергичным ставленником. Тохтамыш делал как раз то, против чего готовил его Тимур. Стремясь вернуть Золотую Орду к лучшим дням времени Узбек-хана (1312—1340), Тохтамыш начал ряд походов за расширение золотоордынской территории, в том числе в Закавказье и Азербайджане, послав большое войско в 1385 г. для захвата Тебриза.

Великодержавная политика Тохтамыша была неприемлема для растущего тимуровского государства в Мавераннахре. Тохтамыш не только был помехой деятельности Тимура, но вместе с тем представлял интересы государства, которое в сущности своей было полной противоположностью государству Тимура в Мавераннахре. Золотая Орда была искусственным государственным объединением. Она держала власть над культурным населением Крыма, Поволжья, Хорезма средствами грубейшего насилия. Ведь власть была в руках тюрко-монгольской кочевой знати, точнее монгольской династии из дома Джучидов, которая, опираясь на военные силы, эксплуатировала богатые земледельческие области и культурные города Поволжья, Болгар, Крыма и Северного Кавказа. Население этих областей мечтало о падении власти монголов и полном своём освобождении. Иное, как мы видели выше, наблюдалось в Мавераннахре. Здесь население земледельческих областей и городов жаждало объединения в единое, большое государство, так как это объединение могло вывести страну из феодальной разрухи.

Тохтамыш в конце 80-х годов явно искал случая для столкновения с Тимуром, стремясь отвлечь его от иранских дел. В 1387—1388 гг. Тохтамыш, используя отсутствие Тимура, совершил нападение на Мавераннахр и начал подстрекать Хорезм к восстанию против Тимура. Хорезмшах Сулейман Суфи легко пошёл на это, чем вызвал гнев Тимура. В 1388 г. Тимур совершил последний поход на Хорезм. Заняв Ургенч, Тимур ликвидировал династию Суфи и приказал переселить жителей Ургенча в Самарканд⁸³, а

⁸¹ Низам ад-дин Шами. Указ. соч., стр. 74—76.

⁸² Никоновская летопись под 6889 (1380—1381) годом. Изд. 1897 года.

⁸³ Низам ад-дин Шами. Указ. соч., стр. 108.

самую столицу сравнять с землёй и посеять на ней ячмень⁸⁴. В течение десяти дней войска Тимура грабили богатый и прекрасный город. Много жителей Ургенча, особенно ремесленников, было переселено в Мавераннахр, однако город не мог быть сравнен с землёй и сохранил несколько своих прекрасных зданий. В 1391 г., во время похода против Тохтамыша, Тимур отдал распоряжение восстановить город⁸⁵. Так прекратило самостоятельное существование небольшое, но богатое и культурное Хорезмское княжество. С тех пор Хорезм вошёл в состав сначала государства Тимура, а потом — государства среднеазиатских Тимуридов. Таким образом, все земли Средней Азии, за исключением Семиречья и низовой Сыр-Дарьи, были объединены в руках Тимура.

Войны Тимура с Тохтамышем не преследовали захвата земель, за исключением небольшой группы сырдарьинских городов, лежавших ниже Саурана. Тимур стремился лишь к полному ослаблению Улуса Джучи, так как видел в могущественной Золотой Орде постоянную угрозу создаваемому им в Средней Азии государству. Против Тохтамыша, после 1380 г. ставшего могущественным ханом, Тимур провёл три крупных похода — в 1389, в 1391 и 1394—1395 годах. Походы эти, так же как и походы на Хорезм, перемежались с походами в Иран, на Кавказ и к южным границам Руси. Для удобства изложения мы пока сосредоточили внимание на борьбе Тимура с Золотой Ордой.

Из указанных походов против Тохтамыша два последние должны остановить наше внимание. В 1391 г. Тимур выступил из Самарканда, зиму провёл в Ташкенте и направился с 200-тысячным войском в степи теперешней Казахской ССР. В апреле 1391 г. у горы Улуг-таг, в районе расположения современного Карсакпайского рудника, Тимур приказал высечь на камне надпись, в которой говорится, что султан Турана Тимур с двумястами тысяч пошёл по крови Тохтамыш-хана. Надпись эта была обнаружена около десяти лет тому назад и ныне хранится в Ленинграде, в Государственном Эрмитаже. После долгих переходов огромное войско Тимура встретилось с войском Тохтамыша в местности Кундузча, между Самарой и Чистополем. Здесь произошла 18 июня 1391 г. жаркая битва, закончившаяся полным поражением Тохтамыша⁸⁶.

Однако ресурсы Золотой Орды были ещё велики, и Тимур, выиграв сражение и захватив огромную добычу, не сломил самого золотоордынского государства. Борьба между ними продолжалась. В 1395 г. произошло новое сражение между Тимуром и Тохтамышем на Северном Кавказе, в долине р. Терека. Здесь Тохтамыш также потерпел поражение. На этот раз силы Тохтамыша были настолько ослаблены, что Тимуру была открыта свободная дорога в Поволжье, к самому сердцу Золотой Орды — её столице г. Сараю Берке. Большой и богатый город был захвачен, предан грабежу и сожжён, причём из него была вывезена огромная добыча, в состав которой, кроме разнообразных материальных ценностей, входило большое количество пленных — мужчин, женщин и детей, обращённых в рабство. Пострадали не только Нижнее Поволжье с его главными городами — Сараем Берке и Хаджи-Тарханом (Астрахань), — но и Крым с его приморскими городами (например Каффа), а также Азак (Азов) и Северный Кавказ. Если же принять во внимание, что за семь лет до этого Ургенч был опустошён, то станет ясным, что у Тимура был определённый план — подорвать хозяйственную, особенно торговую, жизнь наиболее культурных областей, входивших в состав Золотой Орды.

⁸⁴ Шереф ад-дин Али Иезди. Указ. соч., I, стр. 448, сл.

⁸⁵ По словам Шереф ад-дина Али Иезди (I, 449), Тимур восстановил город в размере одного квартала. В 1425 г., когда Шереф ад-дин писал своё сочинение, этот квартал и был Ургенчем.

⁸⁶ Низам ад-дин Шахи. Указ. соч., стр. 117—125; Тизенгаузен В. Указ. соч. Т. II, стр. 112—118; Шереф ад-дин Али Иезди. Указ. соч. Т. I, стр. 493, сл.; Тизенгаузен В. Указ. соч. Т. II, стр. 158—173.

Известно, что опустошения и разрушения здесь были настолько велики, что все эти места долго не могли экономически возродиться⁸⁷.

Разгром на Тереке и опустошение Сарая Берке в 1395 г. нанесли Золотой Орде непоправимый удар. Хребет государства, причинившего столько зла древней Руси, был переломлен. Золотая Орда после 1395 г. явно стала клониться к упадку. Разгром Мамаю в 1380 г. на Куликовом поле был первым и главным клином, вбитым в Золотую Орду; поражение на Тереке в 1395 г. и разгром Сарая были вторым ударом. Тимур вёл борьбу с Золотой Ордой ради среднеазиатских интересов и без контакта с московским князем, о котором не имел ясного представления; однако объективно он сделал полезное дело не только для Средней Азии, но и для Руси. Тимур не понимал, какое значение для русской истории имел его удар по Золотой Орде, да и о Руси своего времени не имел в какой-нибудь мере соответствующих действительности знаний. Русская же летопись сохранила о Тимуре очень плохое воспоминание, так как в том же, 1395 г. он пожог и ограбил несколько южнорусских городов.

Если борьба Тимура с Хорезмом и Золотой Ордой была вызвана интересами объединения Средней Азии в сильное государство, то его походы в Иран, Закавказье и более отдалённые страны носили чисто грабительский характер. Иран во второй половине XIV в. не представлял единого государства. После падения Хулагидского государства (1256—1336)⁸⁸ в стране было несколько владений. Среди них прежде всего нужно отметить государство Джалаиридов (1336—1411) в Азербайджане и государство Сербедаров в одной из больших областей Хорасана — в Себзеваре, просуществовавшее с 1336 по 1381 годы.

Известное же владение Куртов с центром в Герате после падения Хулагидов просуществовало как самостоятельное владение всего несколько десятилетий, также до 1381 года. Перечисленные феодальные династии не доросли ещё до сознания необходимости объединения всех этих владений в одно сильное иранское государство, в силу чего в Иране не было могущественной власти, которая могла бы противостоять войскам Тимура. Походы Тимура в Иран с первых лет носили завоевательный характер. Таков был и поход его на Герат в 1381 году. Гератом владел в то время Гияс ад-дин Пир Али из династии Куртов. Это был человек добрый, к людям весьма благорасположенный, характера не очень твёрдого, но храбрый. Несмотря на прекрасные укрепления Герата (внешние и внутренние стены) и неприступность знаменитой цитадели Ихтияр ад-дин, Гияс ад-дин не сумел воодушевить гератцев на борьбу, и жители не оказали упорного сопротивления, так как поверили обещаниям Тимура, что он им предоставит неприкосновенность имущества и гарантирует жизнь, если они будут сидеть дома и не примут участия в защите города.

Понятно, что в такой обстановке Тимур легко было взять один из наиболее укрепленных городов Хорасана. Наложив на жителей огромную дань, Тимур приказал наиболее именитым жителям Герата (улемам, имамам и др.) покинуть город и отправиться в Шахрисябз, который в то время Тимур всячески старался возвеличить и украсить. Тогда же в Шахрисябз (Кеш) отправлены были известные гератские ворота (точнее, двери ворот), убранные железными резными полосами, покрытые надписями. Двери эти в момент составления сочинения Шереф ад-дин Али Иезди, т. е. в 1425 г., находились ещё в Шахрисябзе.

Боясь возможного восстания жителей, которые разочаровались в Тимуре (дань была очень тяжела), Тимур приказал скрыть укрепления города (городские стены с башнями), снять ворота и т. д. Не тронута была только цитадель Ихтияр ад-дин. Предположения Тимура оправдались: в 1383 г., т. е. через два года, гератцы восстали, однако победить

⁸⁷ Шереф ад-дин Али Иезди, I, стр. 761, сл.

⁸⁸ Если принять во внимание ещё соперничающих ханов, то дату надо довести до 1344 года.

не сумели и были жестоко подавлены. На этот раз они заплатили значительно большую дань. В том же, 1383 г. династия Куртов была низложена, а через шесть лет, в 1389 г., Мираншах, сын Тимура, на пиру коварно убил последних представителей династии Куртов⁸⁹.

Почти одновременно с падением Герата, в 1381 г., прекратило самостоятельное существование и государство Сербедаров. Последний сербедарский государь Али Муайад по собственной инициативе передал земли и власть Тимуру. Этот факт сам по себе говорит о том, что у Тимура были какие-то весьма дружественные связи с хорасанскими сербедарами. Два года спустя Тимур захватил силой Сеистан, также включив его в состав своего государства. К середине 80-х годов XIV в. огромная часть Восточного Ирана принадлежала Тимуру. На этом его движение в глубь Ирана не остановилось. Мы имеем в виду его длительные походы в Иран. Сначала «трёхлетний» — с 1386 г., затем «пятилетний» — с 1392 г., наконец, «семилетний» — с 1399 года. Походы эти были успешны и завершились покорением всего Ирана. Целью этих походов было завоевание чужих территорий и получение богатой добычи. Они не могут быть оправданы никакой нуждой объединительной деятельности Тимура в Средней Азии. В этих походах военачальники Тимура и простые воины его были жестоки и безжалостны к населению, терявшему не только своё имущество, но и свою свободу, а часто и жизнь. Всякий раз из длительного похода Тимур возвращался в Шахрисябз (Кеш) или Самарканд, отягчённый большой и богатой добычей.

К каким жесточайшим методам ограбления прибегал иногда Тимур, можно видеть из его похода 789 (= 1387 г.) на области Фарса и Исфавана, которыми владели Музаффариды. Когда Тимур взял красивый, богатый и культурный Исфаван, он приказал жителям выкупить свою жизнь и право на собственность, точнее — на какой-то остаток их бывшей собственности.

Исфаванцы не хотели подчиняться эмирам Тимура и не желали платить дани. Случилось, что один из исфаванских кузнецов, работавших в пригороде, ночью забил тревогу и поднял народ против небольшого гарнизона Тимура. Почти все эмиссары, которым было поручено собирать дань по кварталам, были перебиты.

Когда Тимур, находившийся в лагере недалеко от Исфавана, узнал о происшедшем восстании, он пришёл в страшный гнев и приказал войскам силой овладеть городом. Тимур разделил население города на две части. Людей именитых, духовных и светских, он приказал не трогать, а остальных разрешил убивать, насиловать, отдав их имущество на полное разграбление своему войску. Каждый из воинов Тимура, участвовавший в карательной экспедиции, должен был поставить определённое количество голов. В исфаванском побоище было собрано 70 тыс. голов, из которых потом, по приказу Тимура, в «назидание» были сложены высокие башни.

Выше указывалось, что походы Тимура в одном направлении перемежались с его походами, совершаемыми в другом. Не раз ходил Тимур с большим войском в Азербайджан; вспомним поход Тимура в Тебриз в 1385—1386 г. и ту большую дань, которую он наложил на несчастных тебризцев только за то, что за год до прихода Тимура они вынуждены были заплатить Тохтамышу 300 туманов золотом.

В Азербайджане в то время правил Ахмед Джалаирид (1382—1410). Во главе Ширвана находился Ибрахим Дербенди (1382—1417). Армению и Грузию Тимур покорил в 1392 г., внося огромные опустошения, оставив в памяти народной о себе воспоминание как об одном из жесточайших завоевателей. Азербайджан Тимуру удалось покорить лишь в 1397 году.

Имеется старое выражение: «Война порождает войну». Это целиком

⁸⁹ Шереф ад-дин Али Йезди. Указ. соч. Т. I, стр. 468.

применимо к Тимуру. Победоносно закончив один поход, Тимур, опираясь на огромные резервы и добытые средства, начинал готовить следующий. Никакая политическая нужда не толкала в 1398 г. Тимура к организации его далёкого Индийского похода, начатого в 1398 и законченного в 1399 году. Тимур ограбил огромную страну, безжалостно перебил 100 тыс. индийских пленнх только за то, что, по слухам, они рассчитывали во время битвы Тимура с султаном Махмуд Дехлевийским помочь последнему восстанием в тылу тимурова войска⁹⁰. Разбив в сражении дехлевийского султана, Тимур захватил знаменитый г. Дели и вывез из него, а также из близлежащих областей несметную добычу.

В 1400 г. войска Тимура выступают на удалённом от Средней Азии западе и ведут борьбу с турецким султаном Баязедом и египетским султаном Фараджем. Тогда были захвачены Тимуром многие города в Малой Азии и Сирии. В Малой Азии был взят Сивас, а в Сирии — Халеб (Алеппо). В 1402 г. Тимур имел второе, на этот раз решающее столкновение с Баязедом при Анкаре. Это было, быть может, самое крупное сражение того времени. С обеих сторон действовали армии, каждая из которых значительно превышала 200 тыс. воинов. В битве при Анкаре могущественный османский султан Баязед был наголову разбит и взят в плен. Значение этой битвы огромно не только в истории Азии. Сам того не подозревая, Тимур вторично оказал услугу европейским народам. Победа при Анкаре в 1402 г. и пленение Баязета почти на 50 лет отсрочили завоевание турками-османами Константинополя⁹¹.

Последний, незавершённый поход Тимура был в Китай, начатый с 200-тысячным войском в конце 1404 г. и прекратившийся со смертью Тимура, 18 февраля 1405 года. К этому походу он тщательно готовился в течение нескольких лет.

Поход в Китай также был вызван стремлением к большой добыче, которая должна была превзойти всё, что получил завоеватель в предшествующих войнах. По существу, между тимуровским государством и Китаем не было ни одного противоречия, которое нельзя было бы разрешить мирным путём.

IV. ВНУТРЕННЯЯ ЖИЗНЬ В ГОСУДАРСТВЕ ТИМУРА

Тимур отличался большим военным организаторским талантом, сильной волей и государственным умом. Вместе с тем он был в полном смысле слова сыном своей эпохи и ничуть над ней не возвышался. Живя в условиях созревания классических форм феодальных отношений, он был их активным проводником. Собирая феодальные владения в единое феодальное же государство, Тимур вместе с тем сам порождал новые владения, раздавая в суюргал, т. е. в лен или феоде, округа, области, даже целые страны. Суюргал, как восточная форма лена, получил при Тимуре широкое распространение. Под суюргалом тогда подразумевали передачу в наследственное владение и управление определённой земли с правом взимания с её жителей (сельских и городских) государственных налогов и податей целиком или частично в пользу взимавшего. На основе суюргального пожалования и раздавал Тимур в управление отдельные части своего государства прежним владельцам, членам своей семьи (сыновьям и внукам), а иногда и выдающимся своим эмирам за их заслуги. Приведём ряд примеров: завоевав крепость — владение Ахлат, — Тимур вернул его на основе суюргального пожалования прежнему владельцу Адилю Джужу⁹². Крепость Айдан Тимур передал в суюргал её бывшему хакиму

⁹⁰ Низам ад-дин Шами. Указ. соч., стр. 188.

⁹¹ Бартольд В. В. «История изучения Востока в Европе и России», стр. 82. 2-е изд. Ленинград. 1925.

⁹² Низам ад-дин Шами. Указ. соч., стр. 153.

Баязеду⁹³. Крепость Каркул была передана на основе того же суюргала эмиру Али, владевшему ею и ранее. Когда Тимур после подавления восстания гератцев в 1383 г. ликвидировал династию Куртов, он образовал гератское владение, в которое включил земли Балха, Кундуза, Балкана, Бадахшана, Хутталаяна, Хисара, и передал их в суюргал своему третьему сыну, Мираншаху. На той же суюргальной основе Мираншаху в 1393 г. был передан «престол Хулагу-хана» — бывшие владения Хулагидов. В 1393—1394 гг. второму своему сыну, Омар-шейху, Тимур передал на основе суюргального пожалования Фарс. За год до этого, в 1392 г., Пир-Мухаммеду, сыну Джехангира, на том же основании Тимур передал «престол Газневидов»⁹⁴ — земли, когда-то составлявшие Газневидское государство (в сокращённых, правда, размерах после образования государства великих Сельджуков).

После Мираншаха «престол Хулугу-хана» был передан сначала Мухаммед султану, сыну Омар-шейха, а после смерти Мухаммед султана, в 1403 г., земли эти перешли к Омару, сыну Мираншаха. На таком же основании Рустем, брат другого Пир-Мухаммеда (сын Омар-шейха), владел Исфаганом, а Абу-Бекр, сын Мираншаха, — Багдадом. Список этот можно было бы значительно расширить.

Государство Тимура, если его взять в среднеазиатской и иранской частях, представляло совокупность феодальных владений, объединённых в единое государственное целое. Весьма характерно, что Мавераннахр, за исключением Ферганы, Тимур не дробил, никому не передавал и крепко держал в своих руках. Система раздачи отдельных частей государства на суюргальных началах содействовала накоплению в стране скрытых феодализирующих сил, которые могли в критический момент сразу же разрушить и целостность государства, что и произошло тотчас же после смерти Тимура. Обладая твёрдой рукой, Тимур умел подчинять своей воле всех своих владетелей — вассалов. Горе было тому, кто не подчинялся его приказаниям и противопоставлял свою волю воле государя. Когда глава племени джелаиров не подчинился в 1376 г. могущественному эмиру, он его казнил, а всех джелаиров распределил по разным округам⁹⁵, уничтожив таким образом целое кочевое владение в районе Ходжента. Когда в Самарканде Тимур обнаружил, согласно рассказу Ибн Арабшаха, непокорность со стороны некоторых эмиров, опиравшихся на недовольные Тимуром элементы, он их в 1388 г., заманив хитростью, всех перебил. Когда сын Омар-шейха Пир-Мухаммед не выполнил приказа и не выступил в поход, Тимур отнял у него Фарс с г. Ширазом, которым он управлял после смерти отца. Близких же ему людей он казнил. Впрочем, в 1403 г. он сменил гнев на милость и вернул Пир-Мухаммеду суюргал.

Сохранял ли Тимур кебековскую административную систему — деление на тумены? К сожалению, в источниках мы имеем об этом мало фактического материала. Однако и то малое, что имеется, указывает на то, что в Мавераннахре, который в большей части находился в руках Тимура, эти административные единицы (тумены) сохранялись до самого конца его правления.

Всё вышеизложенное показывает, какую огромную роль в управлении этим сложным феодальным миром играла личность Тимура. Он зажал все феодализирующие силы обширного государства в твёрдой руке и, направляя своих вассалов на непрерывные, большей частью грабительские походы, создал военный режим самой суровой дисциплины, придав всей системе правления явно деспотический характер.

Социально-экономические отношения в Мавераннахре времени Тимура в специальной литературе совсем не разработаны.

⁹³ Низам ад-дин Шами. Указ. соч., стр. 156.

⁹⁴ Шереф ад-дин Али Йезди. Указ. соч. Т. I, стр. 558.

⁹⁵ Там же. Указ. соч. Т. I, стр. 264.

Для монгольской эпохи характерно резкое ухудшение в положении крестьян и ремесленников. Ухудшение положения крестьян шло в сторону прикрепления последних к платимым ими налогам и выполняемым ими повинностям, а через них — и к земле, что ярче всего отразилось в монгольском Хулагидском государстве в ярлыке 1303 г., изданном Газан-ханом⁹⁶. С крестьян взимали земельный налог (под разными названиями: харадж, мал), подушную подать (джизью), которая до монголов, согласно мусульманскому праву, взималась только с неверных, подводную повинность (улаг), барщинные работы (бегар) и чрезвычайные налоги (аваризат).

Если принять во внимание, что все эти налоги взимались в Мавераннахре при Тимуридах Абу-Саиде (1451—1469) и Султানে Ахмеде (1469—1494), то можно быть уверенным, что они взимались и при Тимуре, тем более что упоминания о них в разбросанном виде встречаются в источниках.

Едва ли только в Мавераннахре имело место прикрепление крестьян к земле. Источники об этом совершенно молчат.

Ухудшение положения ремесленников при монголах характеризуется внедрением в их среду полурабских отношений. Это в 1264 г. особо ярко отметил в своих записках Плано Карпини. Ко времени Тимура и при нём в положении ремесленников в самом Мавераннахре наступило значительное улучшение, однако в отношении к пленным ремесленникам, перевезённым в Самарканд и Шахрисябз, Тимур продолжал практиковать полурабские формы эксплуатации.

Клавихо, рассказывая о замке Тимура в самаркандской цитадели, говорит: «В этом же замке царь держал около тысячи пленных мастеров, которые делали латы, шлемы, луки и стрелы и круглый год работали на него»⁹⁷. Здесь определённо говорится о типичной корхана (большая эмирская или султанская мастерская), которая весьма характерна для монгольской эпохи и в которой царили полурабские формы эксплуатации. Вместе с тем основная масса ремесленников в Мавераннахре лично была свободна и несла лишь обычные феодальные повинности.

Военная история причисляет Тимура к числу крупнейших полководцев средневековой Азии. Его военное дарование раскрылось в двух направлениях: как организатора войска и как полководца.

Тимуровское войско по своей организационной структуре продолжало традиции Чингис-хана. Во-первых, оно было ополчением, во-вторых, строилось по десятичной системе, т. е. делилось на тумены, тысячи, сотни, десятки. Различие состояло в том, что при Чингис-хане основу войска составляли кочевники и значительно меньшую роль играло оседлое население завоёванных стран, привлекаемое в принудительном порядке в кашар. При Тимуре же оседлая часть войска хотя и не составляла основы, однако была весьма существенной, а быть может, и равной с кочевниками частью. Оседлые области поставляли пехоту, а также отряды артиллерии того времени — воинов, обслуживающих камнемётные, стенобитные, огнестрельные (радандоз) машины, самострелы и др. Когда Тимору нужно было призвать определённые контингенты конницы и пехоты, он направлял тавачиев (лица, выполнявшие особо важные поручения государя) в ту или иную область своего государства с предписанием собрать, согласно переданному числовому списку (сан), нужное количество туменов. Тавачии собирали воинов пеших и конных, оседлых и кочевников, тюрков и таджиков. Согласно описаниям Абд-ар-Реззака

⁹⁶ См. прекрасную статью И. П. Петрушевского «Хамдаллах Казвини как источник по социально-экономической истории Восточного Закавказья». Изд. Отделения общественных наук АН СССР. № 4, стр. 888. 1937. Здесь вопрос о прикреплении райятов (земледельцев) рассматривается подробно на основе фактов, сообщаемых Рашид ад-динном.

⁹⁷ Рюи Гонзалес де Клавихо. Указ. соч., стр. 330.

Самарканди⁹⁸, автора XV в., каждый воин ополчения должен был взять с собой провиант на год, четыре вида оружия, лук, 30 стрел, колчан, налучье и щит. У каждого двух воинов-конников должна была быть третья, запасная лошадь (заводная), на каждые 10 человек — одна палатка, 2 заступа, 1 мотыга, 1 серп, 1 топор, 1 шило, 100 иголок, пол-мана амбарного веса верёвок, 1 крепкая шкура, 1 котёл. Каждая область (она же суюргальное владение) поставляла основной контингент (асль) и дополнительный (изафе)⁹⁹. В десятичном членении войска особо важную роль играли кошуны, составлявшие, как правило, отряд в несколько сот человек. Вообще в то время под старыми названиями — тумен, тысяча, сотня — числились отряды, имевшие фактически иное число воинов. Тумены имели меньше 10 тыс., а кошуны — больше 100 человек.

В походе всегда соблюдался строгий порядок (мурчил)¹⁰⁰. Эмир каждого подразделения — тумена, тысячи, кошуна — хорошо знал своё место и строго его придерживался.

Впереди главных сил в походе шёл авангард (манкыла)¹⁰¹, состоявший иногда даже из нескольких туменов. От манкыла нужно отличать караул (сторожевое охранение)¹⁰², которое шло впереди авангарда. Особое место занимала разведка (хабаргири)¹⁰³, направлявшаяся любой значительной частью войска. Для разведки отбирались исключительно храбрые воины. В походе особо важную роль играли «проводники» (качарчи)¹⁰⁴. Тимур сам обыкновенно распределял между отдельными частями войска проводников.

Во время похода приходилось делать остановки. Если стан устраивали вблизи врага, то окапывали его рвом, ставили защитные орудия — туры (повидимому, передвижные башни) и большие окопные щиты (чапары). Хотя в нашу задачу совершенно не входит вопрос о вооружении войска Тимура, однако мы считаем необходимым отметить, что именно в его эпоху на Ближнем Востоке впервые появилось огнестрельное оружие.

Так, при описании войска Султана Махмуда Дехлевийского перед битвой с Тимуром у Дели в 1399 г. Низам ад-дин Шами упоминает на вооружении у индийского войска радандоз¹⁰⁵, особые огнестрельные, «громбросающие» орудия, нечто вроде примитивных пушек. Тот же автор то же орудие (рад)¹⁰⁶ упоминает и у воинов осаждённого Тимуром Дамаска в 1400—1401 годах¹⁰⁷.

Большой интерес представляет порядок, в котором войско располагалось перед сражением. Низам ад-дин Шами, Шереф ад-дин Али Иезди приписывают Тимуру новаторство в этом отношении. Чтобы понять, что нового внёс Тимур в военное искусство, необходимо представить себе, каково было расположение войска в начале военной деятельности Тимура. С этой точки зрения, большой интерес представляет порядок войска во время «грязевой битвы» 1365 года. Боевой строй войска Тимура состоял

⁹⁸ Chagmou «Expedition de Timour-lenk». Mémoires de l'Académie impériale des sciences de Saint-Petersbourg, 6 série. T. III. 1836. Персидский текст, стр. 246; французский перевод, стр. 422.

⁹⁹ Chagmou. Op. cit., p. 250.

¹⁰⁰ Тизенгаузен В. Указ. соч. Т. II, стр. 159, 175.

¹⁰¹ Низам ад-дин Шами. Указ. соч., стр. 119.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Там же, стр. 19—20. Здесь рассказывается о мужестве Шейх-Давуда, о том, как он поймал «языка», давшего Тимуру ценные сведения. На стр. 121 говорится о способностях этого рода у Мубашира, который сумел привести 40 человек.

¹⁰⁴ Там же, стр. 119, сл.

¹⁰⁵ Там же, стр. 190; Гияс ад-дин Али. Указ. соч., стр. 115.

¹⁰⁶ Там же, стр. 234.

¹⁰⁷ Только уже после написания настоящей работы мне пришлось слышать из доклада А. М. Беленицкого, что огнестрельные орудия были в войске Тимура в 1379 г. при осаде Ургенча. Упоминание об этом А. М. Беленицкий встретил в рукописи Муин ад-дин Натанзи.

из центра, правого и левого крыльев, каждое из которых имело дополнительное войсковое соединение — фланговое охранение, так называемый канбул, — и авангард (караул). Боевой порядок, таким образом, состоял из семи частей, из которых три имели более или менее самостоятельное значение, а четыре (два авангарда и два канбула) — подчинённое. Характерной чертой такого боевого строя являлась слабость его центра по сравнению с крыльями: центр не имел ни авангарда, ни резерва.

В 1391 г. в знаменитом сражении с Тохтамышем при Кундузче у Тимура был уже значительно усовершенствованный боевой строй войска. Шереф ад-дин Али Иезди¹⁰⁸ рассказывает, что Тимур первый ввёл членение войска на семь кулов — корпусов. Это были самостоятельные и ответственные лишь перед командующим войсковые соединения.

В боевом строю 1391 г. мы имеем уже иное отношение к центру. Крыльям, как и в старом боевом порядке, придаётся весьма важное значение. Это видно хотя бы из того, какое большое внимание обращается на боковое охранение флангов (канбул). Однако особенно укрепляется центр. Он получает авангард, и кроме того позади него устраивается ставка командующего; там же находятся резервы, которые в большинстве случаев и решают исход сражения.

Итак, в новом боевом строе и центр и крылья сделались предметом одинаково большого внимания. Если центр был охраной резервов и ставки командующего и резервы направлялись в то место сражения, где в них была нужда, то канбулы имели целью предохранить крылья от прорыва и не допустить обходного движения врага, который мог ударить в тыл, обойдя правое или левое крыло с флангов. Канбулы составлялись из наиболее храбрых и опытных в боях кошунов, под командой авторитетных военачальников.

Войско имело, как указывалось выше, не только конников, но и пехотинцев. Последние в боевом расположении стояли впереди конников и, в случае нападения врага, особенно при конной атаке, укрываясь за свои окопные щиты (чалары) и туры, давали первый бой. Пехотинцы играли исключительную роль на том участке боевого расположения, где бой имел оборонительный характер. Шереф ад-дин Али Иезди, описывая битву Тимура с Тохтамышем в 1391 г., определённо указывает, что эмиры туменов, тысяч и кошунов левого и правого крыльев тимурова войска выстроили в боевой порядок пехотинцев и всадников¹⁰⁹. Та же картина наблюдалась и в битве Тимура с Тохтамышем в 1395 году. Гияс ад-дин Али, описывая Индийский поход Тимура 1398—1399 гг., не раз говорит об участии пехотинцев в сражении. Так, упоминая битву на берегу Гуля (Джуль), он замечает, что левое крыло имело в авангарде кул Султана Али Тавачи, в котором были пешие отряды хорасанцев¹¹⁰. Примеров подобного рода можно привести немало.

Свои войны Тимур вёл с исключительной жестокостью, причём большей частью она ничем не могла быть оправдана. Чем можно оправдать постройку башни из 2 тыс. живых людей, переслоенных битым кирпичом и глиной, что имело место при взятии Исфизара¹¹¹ (город в Афганистане), или башен, сложенных в восставшем Исфагане из 70 тыс. голов, о чём говорилось выше¹¹², или, наконец, погребение 4 тыс. живых людей после взятия города Сиваса¹¹³ в Малой Азии? Однако самым ужасным из всех его деяний этого рода является убийство около 100 тыс. пленных индусов — гебров и идолопоклонников — перед генеральным сражением, ко-

¹⁰⁸ Шереф ад-дин Али Иезди. Указ. соч., Т. I, стр. 532—533; у Низам ад-дин Шахи имеется рассказ об этом на стр. 123—124.

¹⁰⁹ Charnoy M. Op. cit., p. 216 (персидский текст).

¹¹⁰ Гияс ад-дин Али «Дневник похода Тимура в Индию», стр. 76.

¹¹¹ Шереф ад-дин Али Иезди. Указ. соч. Т. I, стр. 360.

¹¹² Там же, стр. 434.

¹¹³ Там же, стр. 269.

торое он имел с Дехлевийским (делийский) султаном Махмудом. Низам ад-дин Шами эпически спокойно рассказывает, что Тимур издал этот приказ после того, как ему донесли, что пленники в критический момент сражения могут ударить с тыла, хотя они, кстати сказать, ничем не были вооружены¹¹⁴.

Тимур не принадлежал к Чингисидам, поэтому никогда не именовал себя ханом. Как и все люди того времени, он относился к титулу хан с большим пиететом и несмотря на своё большое властолюбие и честолюбие удовлетворялся скромным титулом гургана (зять, в данном случае — ханский зять). Право на титул гургана он приобрёл после женитьбы на Сарай Мульк-ханым, которую он взял в гареме эмира Хусейна после его ликвидации в 1370 г. и которая была дочерью Чингисида — хана Казана, последнего хана Мавераннахра из дома Чагатаев. Следуя традиции, установленной ещё эмиром Казаганом, Тимур держал при себе подставных ханов — Суюргатмышу (1370—1388) и потом его сына Султан Махмуд-хана (1388—1402). После смерти последнего он больше подставного хана не держал и чеканил монеты от имени умершего. Оба подставных хана не играли политической роли, в распоряжения Тимура не вмешивались и были в этом отношении фигурами чисто декоративными. С Султан Махмуд-ханом Тимур был в очень хороших отношениях и имел в его лице прекрасного, энергичного военачальника, командовавшего в конце XIV и начале XV в. ответственными войсковыми подразделениями. В битве при Анкаре Султан Махмуд-хан сыграл немаловажную роль и даже захватил султана Баязеда в плен.

До сих пор нельзя с полной уверенностью сказать, что среди сохранившихся миниатюрных изображений Тимура имеется его достоверный портрет. Нет и подробных описаний, которые дали бы ему как бы словесный портрет. Из писавших о нём видели его два наблюдательных человека. Один из них был Клавихо, видевший Тимура осенью 1404 г. несколько раз, другой — Ибн Арабшах, который видел его за два года до его смерти. Ибн Арабшаху было тогда не более 14 лет; следовательно, он мог говорить о наружности Тимура, сочетая отдалённые личные воспоминания с рассказами других людей.

Согласно описанию Ибн Арабшаха, Тимур был высокого роста, широкоплеч, обладал большой головой и густыми бровями, имел длинные ноги и длинные сухие руки, носил большую бороду. На правую ногу Тимур был хром. Глаза его были подобны свечам, но без блеска. Голосом обладал громким, отличался мощной силой и большой храбростью, смерти не боялся, до конца жизни сохранил ясную память, не любил шуток и лжи, напротив того, правда, даже ставившая его в затруднительное положение, ему нравилась. Что фактически прибавил Клавихо к этой характеристике? Описание платья и указание, «что он нехорошо видел и был уже так стар, что почти не мог поднять веки»¹¹⁵.

В 1941 г. М. М. Герасимов попытался реконструировать на основе черепа Тимура его лицо. По отзыву антропологов, М. М. Герасимов дал максимальное приближение к тому портрету Тимура, каким его словесно нарисовал Ибн Арабшах.

Выше указывалось, что Тимур с детства знал тюркский и таджикский языки и производил впечатление человека образованного, хотя не умел ни писать, ни читать. Как же это могло быть? В часы досуга, особенно во время частых походов, Тимур любил слушать чтение, для чего и держал при себе «чтецов рассказов» (касса-хан). Больше всего он любил слушать чтение сочинений по истории. По словам Хафизии Аbru, он имел познания в истории тюрков, арабов, иранцев. Если судить по Ибн Арабшаху, то такое же впечатление о Тимуре осталось у известного

¹¹⁴ Низам ад-дин Шами. Указ. соч., стр. 188.

¹¹⁵ Рюи Гонзалес де Клавихо. Указ. соч., стр. 259.

арабского историка Ибн Халдуна, который имел с Тимуром личную беседу. Тимур ценил всякое знание, особенно если оно могло принести практическую пользу, — медицину, астрономию, математику, — однако более всего интересовался архитектурой.

Тимур жил в эпоху, когда религиозное сознание во всём господствовало над малыми ещё достижениями науки. Являлся ли Тимур благочестивым мусульманином? В этом отношении он был типичным представителем военно-тюркской аристократии, среды, которая всегда подчёркивала свою приверженность к мусульманскому благочестию. Будучи во всём прежде всего политиком, стараясь из всего извлечь пользу для государственного дела, Тимур сохранял самые дружеские связи с различными представителями мусульманского духовенства, создававшими ему популярность в широких кругах населения. В духе своего времени он держал при себе духовника — упомянутого выше шейха Береке, который молитвой старался подкрепить то, что делал Тимур мечом. Тимур был очень доволен, когда шейх Береке перед крупными сражениями, как это, например, имело место в битве в местности Кундузча в 1391 г., молил аллаха о даровании победы Тимуру¹¹⁶. И всё же, несмотря на все старания держаться благочестивым мусульманином, Тимур ставил политический расчёт выше споров между отдельными правоверными толками. По словам В. В. Бартольда, «тот же Тимур, который в Сирии выступал защитником Алиа и его потомков, вследствие чего сирийцы считали его ревностным шиитом, в Хорасане восстановил сунитское правоверие, в Мазандаране наказывал шиитских дервишей за оскорбление памяти спутников пророка»¹¹⁷.

Беспрерывные войны Тимура невольно наталкивают на сравнение его с таким завоевателем, каким в XI в. являлся Махмуд Газневи. Однако у них имеется общее лишь в разрушительной деятельности — в склонности вести грабительские войны. Огромные богатства, которые проходили в качестве добычи через руки Махмуда, не оплодотворяли хозяйственной жизни Газневидского государства. Иное дело — Тимур. Он, как хороший, расчётливый хозяин, всё, имеющее ценность, тянул в Мавераннахр, в центр своего обширного царства, которое он один держал в руках. Сюда он свозил не только разнообразные материальные ценности, но в ещё большей мере использовал пленных специалистов — ремесленников, художников, архитекторов, учёных — и не потому, что Мавераннахр был беден этими специалистами, а полагая, что чем больше будет приток культурных сил, тем богаче станут ремёсла, тем выше будут искусства и науки.

В Самарканде при Тимуре можно было увидеть мастеров Исфагана, Шираза, Халеба и других городов Сирии, Египта, Малой Азии, Азербайджана и т. д. Всем им он давал работу, всех их он умел использовать на самых разнообразных стройках, будь то возводимые прекрасные здания — дворцы, мечети, медресе, мавзолеи, загородные сады, мастерские по выделке оружия, просто ремесленные дуканы или новые городские укрепления. Этой страстью Тимура к строительству, большим размахом его работ Клавихо был буквально поражён. И не случайно лучшие страницы своего дневника он посвятил описанию того, что было сделано и делалось Тимуром в Самарканде. Мавераннахр был выделен Тимуром из общей системы обширного государства в особое, привилегированное владение. Клавихо в своём дневнике отмечает, что на северный берег Аму-Дарьи, т. е. в Мавераннахр, пропускали всякого, кто хотел. Напротив, никто не мог без особого разрешения покинуть Мавераннахр и переехать на южный берег Аму-Дарьи: так сильно боялся Тимур потерять хотя бы одного человека, способного к работе.

¹¹⁶ Низам ад-дин Шами. Указ. соч., стр. 123—124.

¹¹⁷ Бартольд В. В. «Улугбек и его время», стр. 21.

Можно без преувеличения сказать, что шум строительных работ слышен был во всех крупных городах Мавераннахра, особенно в Самарканде и его окрестностях, Шахрисябзе, даже на краю степи и культурной полосы — в г. Ясы (Туркестан).

Столицей огромного тимурова государства стал Самарканд. Тимур считал, что по величине и красоте ни один город не может быть ему равным. Самарканд должен был затмить все бывшие до него столицы. Ибн Арабшах рассказывает, что Тимур устроил вокруг Самарканда ряд селений, назвав их именами знаменитых городов — Миср (Каир), Димшик (Дамаск), Багдад, Султания и Шираз, из которых три были столицами: Дамаск — омайядского, Багдад — аббасидского, Миср — фатимидского халифатов. В то, что селения носили названия знаменитых городов, была вложена определённая политическая идея: перед Самаркандом все они меркнут так же, как меркнет простое селение перед великим городом.

Тимур не только украсил город новыми зданиями, имеющими общественное значение, но и значительно перестроил его, создав в нём благоустроенные базары, пополнив его махалла (кварталы) разнообразными ремёслами. Часть замечательных построек Тимура дошла и до нас. Среди них нужно отметить чудесные мавзолеи в группе Шах-и-Зинда, соборную мечеть Тимура, известную сейчас под именем Биби-ханым, усыпальницу Гур-Эмир, где похоронены Тимур и некоторые члены его династии — его сыновья и внуки — Тимуриды.

В Шахрисябзе и по сей день стоят развалины портала его прекрасного дворца Ак-сарай и других зданий. Замечательным памятником строительной деятельности Тимура является мечеть Ходжа Ахмед Ясеви в г. Туркестане. Вокруг Самарканда Тимур построил прекрасные загородные дворцы-сады: Баг-и-Чинар, Баг-и-Диль-куша, Баг-и-Бихишт, Баг-и-Боланд и др. Здесь среди тенистых деревьев и цветников проводил он те немногие дни, когда после похода возвращался домой.

Тимур умер во время последнего, неоконченного похода в Китай 18 февраля 1405 г., в холодную зимнюю ночь, выпив чересчур много вина.

Хотя приближённые Тимура старались скрыть от народа смерть своего государя, однако весть о ней быстро распространилась и произвела ошеломляющее впечатление. Всем было ясно, что в стране вновь начнётся смута, борьба царевичей и эмиров друг с другом.

И действительно, Пир-Мухаммеда, сына Джехангира, которого Тимур назначил своим наследником, никто из сильных феодального мира не признал. Те самые царевичи и эмиры, которые при жизни Тимура знали свои места в войске и государстве и стремились превзойти друг друга быстротой исполнения приказаний великого эмира, подняли головы и, не признавая ничего авторитета, начали друг с другом феодальную войну за «тимурово наследство». События, имевшие место с 1405 по 1409 г., наглядно показали, как непрочны были нити, которыми Тимур соединял отдельные части своего государства в обширную империю. Феодализирующие силы, зажатые в деспотический кулак правителя и полководца, со смертью последнего были выпущены на свободу; наступил новый этап смут.

Тимур — фигура глубоко противоречивая. Его деятельность в Средней Азии, как мы могли убедиться выше, имела немало положительных черт в области ликвидации феодальных смут и феодальной раздробленности, с одной стороны, и гигантской строительной работы — с другой. И не случайно К. Маркс в своих «Хронологических выписках», говоря о Тимуре, как бы подчёркивает это противоречие: «Он (Тамерлан.— А. Я.) дал своему новому царству государственное устройство и законы, представляющие большой контраст с теми зверствами и дикими разрушениями, которые по его приказам совершали татарские орды»¹¹⁸.

¹¹⁸ К. Маркс «Хронологические выписки». Т. II; Архив Маркса и Энгельса. Т. II, стр. 184.

И всё же, как бы значительна ни была положительная роль Тимура в истории Средней Азии, в историю он навсегда войдёт в качестве одного из самых жестоких завоевателей. В «Улугбек и его время» замечательный русский историк-востоковед В. В. Бартольд так охарактеризовал Тимура: «Мировоззрение Чингис-хана до конца было мировоззрением атамана разбойников... Гениальный дикарь применял свои редкие организационные способности всё к более широкому кругу лиц и не видел разницы между качествами, необходимыми для начальника отряда в десять человек, и качествами, необходимыми для управления империей. Тимур, напротив, был прежде всего царём-завоевателем, для властолюбия которого не было границ, ему приписывали изречение, «что всё пространство населённой части мира не стоит того, чтобы иметь двух царей»¹¹⁹.

Тело Тимура покоится в Самарканде, в мавзолее Гур-Эмир. О погребении Тимура имеется классическая работа В. В. Бартольда¹²⁰. Особого внимания заслуживает приведённый В. В. Бартольдом рассказ Ибн Арабшаха о перевозе тела Тимура из Отрара в Самарканд и о погребении его там, в медресе Мухаммеда Султана. Гроб Тимура, по словам Ибн Арабшаха, был из чёрного дерева. Через некоторое время тело было, по его словам, переложено в стальной гроб. С особой пышностью, чуждой обрядности мусульманского погребения, «на могилу были возложены его одежды, на стенах развешаны предметы его вооружения и утвари; всё это было украшено драгоценными камнями и позолотой; цена ничтожнейшего из этих предметов равнялась подати целого округа. С потолка, подобно звёздам на небе, висели золотые и серебряные люстры; одна из золотых люстр весила 4 тыс. мискалей (золотников)»¹²¹.

Это пышное языческое убранство продержалось до 1409 г., когда после занятия Шахрухом Самарканда, по приказу последнего, все предметы вооружения, одежда и драгоценности были, по словам Ибн Арабшаха, сняты¹²² со своих мест и пышность была заменена строгой простотой.

В Самарканде в июне 1941 г. под руководством проф. Т. Н. Кары-Ниязова работала специальная археологическая экспедиция по вскрытию могил Тимура и Тимуридов. В экспедиции принимали участие проф. А. А. Семёнов, проф. Л. В. Ошанин, археолог В. А. Шишкин, антрополог-скульптор М. М. Герасимов и химик-реставратор В. Н. Кононов.

Вскрытием¹²³ обнаружено два важных факта: 1) тело Тимура похоронено в деревянном гробу, в общем хорошо сохранившемся; 2) судя по обнаруженному костяку, Тимур был высокого роста, широк в плечах; кость правого бедра срослась с коленной чашкой, вследствие чего Тимур не мог разгибать правой ноги: кости правого плеча и предплечья правой руки также срослись, отчего и правой рукой Тимур не владел. Последнее, как мы видели выше, вполне соответствует показаниям письменных источников.

Как примирить, однако, показания такого авторитетного свидетеля, как Ибн Арабшах, с данными вскрытия по вопросу о гробе? Нам представляется, что на данном этапе наших знаний наиболее правильным будет предположение, что тело Тимура в 1409 г. было переложено по распоряжению Шахруха в деревянный гроб из стального, что более соответствовало строгим предписаниям ислама, ригористичным ревнителем которых он был.

¹¹⁹ Бартольд В. В. «Улугбек и его время», стр. 33—34.

¹²⁰ Там же, стр. 23.

¹²¹ Бартольд В. В. «О погребении Тимура». ЗВО. Т. XXIII, стр. 1—32.

¹²² Там же, стр. 24.

¹²³ Эти строки основаны на не опубликованном ещё отчете В. А. Шишкина.